

Краснодарский университет МВД России

**РИСКОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ И ТОЧКИ СОЦИАЛЬНОЙ
НАПРЯЖЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ДИАСПОР И ЗЕМЛЯЧЕСТВ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

Учебное пособие

Краснодар
2019

УДК 140.8
ББК 87.3
Р54

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Составители: *В. В. Плотников, Е. О. Кубякин*

Рецензенты:

Е. В. Сальников, доктор философских наук, доцент (Орловский институт МВД России имени В.В. Лукьянова);

И. М. Вакула, доктор философских наук, профессор (Ростовский юридический институт МВД России).

Рискогенные факторы и точки социальной напряженности

Р54 стратегий национальной идентичности диаспор и землячеств Краснодарского края [Электронный ресурс] : учебное пособие / сост.: В. В. Плотников, Е. О. Кубякин. – Электрон. дан. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-9266-1569-9

Учебное пособие представляет собой методическую основу для изучения отдельных аспектов социологии межнациональных отношений. Рассматривается проблема национальной идентичности в полиэтничном регионе трансформирующегося общества, выявляются такие важные факторы благоприятной социальной обстановки, как институциональная согласованность, учет специфики этнодемографических особенностей региона. Пособие рассчитано на теоретическое освоение вопросов, связанных с социологией межнациональных отношений, и получение практического опыта построения конфликтологической модели на основании конкретного эмпирического материала.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 140.8
ББК 87.3

ISBN 978-5-9266-1569-9

© Краснодарский университет
МВД России, 2019
© Плотников В. В., Кубякин Е. О.,
составление, 2019

Содержание

Введение.....	4
1. Обстановка в стране как фактор жизнеспособности государства в условиях глобальной трансформации.....	8
2. Анализ этнодемографических особенностей Краснодарского края.....	33
3. Этнокультурная специфика идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп на территории Краснодарского края и Республики Адыгея.....	48
4. Конфликтологическая модель реализации идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп на территории Краснодарского края и Республики Адыгея.....	59
5. Рекомендации по управлению межнациональными процессами органам муниципальной власти.....	86
Заключение.....	89
Литература.....	90

Введение

Представленное пособие с точки зрения содержательной стороны условно может быть разделено на два раздела. Первый посвящен разбору актуальных тенденций исследования социальной реальности трансформирующегося общества. Россия здесь представлена как локальная институциональная система, противостоящая глобальному миру (как всякая локализованная система, стремящаяся сохранить свою целостность). Отдельным осложняющим фактором является социокультурная и этническая неоднородность, которая с одной стороны обеспечивает высокий потенциал для развития страны, но, вместе с тем, осложняет задачи по противодействию внутригосударственным деструктивным процессам.

Задача второго смыслового блока – практико-ориентированное освоение основ исследования межнациональных отношений. Поставленная задача реализуется на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп по Краснодарскому краю и Республики Адыгея.

Цель пособия: опираясь на практический опыт проведения исследования межнациональных отношений в конкретном регионе и полученный эмпирический материал, используя теоретический потенциал системной и функционалистской социологии, всесторонне рассмотреть факторы риска стратегий национальной идентичности диаспор и землячеств Краснодарского края. Не менее важным является иллюстрация способов исследования межнациональных отношений, их характера и следствий.

Нами был задействован комплекс методов, позволяющих решить поставленные задачи. На первом этапе – социоструктурный и функционалистский анализ. Основной метод второго этапа – метод регионального социального моделирования. В рамках реализуемого проекта было проведено ряд фокус-групп и экспертных интервью.

В рамках (представленного здесь в качестве примера) исследования нами был проведен фокус-групповой опрос представителей различных диаспор на территории Краснодарского края и Республики Адыгея. Постановка основных вопросов и свободная

дискуссия позволила в направляемом модератором русле получить характерные позиции по различным социальным, бытовым и профессиональным аспектам социального взаимодействия. Также, в рамках проекта нами был проведен экспертный опрос представителей различных диаспор на территории Краснодарского края и Республики Адыгея (опрос проходил после фокус-группового исследования и его целью было уточнить или прояснить некоторые проблемные аспекты; в силу этого обстоятельства единый вариант анкеты экспертного опроса нами не приводится). Также мы опирались на результаты экспертного опроса, в ходе которого были опрошены представители различных сфер деятельности Краснодарского края и Республики Адыгея, как то: представители СМИ, органов государственной власти, общественных организаций, религиозных организаций, малого и среднего бизнеса, сферы образования и т. д.

В ходе проведенных ранее исследовательских мероприятий (предварительный анализ фокус-группового опроса представителей различных диаспор на территории Краснодарского края и Республики Адыгея, а также экспертного опроса представителей различных социальных сфер взаимодействия по региону) нами были сделаны следующие предварительные выводы.

1) Наибольшее влияние деятельности диаспор/землячеств на процессы адаптации, интеграции в принимающем обществе (Краснодарском крае) оказывает лезгинская и татарская группы. Для адыгов, в силу географической и социокультурной специфики как таковой процесс адаптации стал органичным и не необходим как нечто специальное. Для большинства представителей узбекского этноса¹, приезжающих на территорию края влияние диаспор/землячеств на процессы адаптации не значителен, хотя проблемы адаптивности наличествуют. Связано это с политической ситуацией в Узбекистане, где запрещено гражданам участвовать в деятельности общественных организациях иных государств. В силу этого обстоятельства, влияние оказывают скорее личные связи, формирующие спектр возможностей.

¹ Под этносом будем понимать межпоколенную группу людей, объединенную длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием.

2) Говорить о включенности рассмотренных диаспор/землячеств в социально-экономическую, социокультурную, политико-правовую структуру принимающего общества (Краснодарского края) проблематично в силу того обстоятельства, что скорее следует говорить о представителях диаспор/землячеств, которые имеют разную степень включенности. (По результату опроса: наибольшая степень включенности у адыгов, наименьшая у узбеков). Сами же диаспоры/землячества проявляют себя скорее на уровне культурной представленности.

3) Наибольшим образом в принимающем обществе проблематизируются идентификационные стратегии представителей узбекского этноса. Это связано с вопросами трудовой миграции, правовыми аспектами и языковыми сложностями. В наименьшей степени – представителей адыгского и татарского этноса. Связано это с высоким уровнем их включенности в социокультурные процессы региона.

4) Среди наибольшим образом преобладающих механизмов конструирования идентичности этнических групп могут быть названы культурные мероприятия, сохранение традиций в семейных группах, гордость за наиболее выдающихся представителей своего этноса (спорт, культура и т. д.). В целом, для принимающего общества проявление обозначенных стратегий органично.

5) Среди особенностей профессионального поведения представителей диаспор/землячеств как этнических групп в принимающем обществе (по материалам фокус-групп) стоит отметить следующее. Как таковые особенности для адыгов и татар проблематичны в силу высокой включенности в социокультурные процессы. Для лезгинов это опора на семейные связи с выходом на знакомую (через институт семьи) для себя область. Для узбеков это трудовая миграция слабо организованного, но распространенного характера.

В настоящем пособии мы объединили полученные данные, соотнесли их с новой полученной информацией (в частности с результатами экспертного опроса представителей исследуемых этнических групп), а также социоструктурным анализом основных тенденций трансформирующегося общества и сделали ряд практико-ориентированных выводов

Обозначенные выше исследовательские мероприятия в соотношении позволили нам выявить основные проблемы взаимоотношений диаспорно-земляческих сообществ с местным населением в обследуемых регионах; сформировать предложения по их разрешению (смягчению); а также, опираясь на качественный анализ полученного эмпирического и аналитического материала эксплицировать возможные и фактические проблемы взаимоотношений диаспорно-земляческих сообществ с мигрантами.

Настоящая аналитическая работа рекомендуется для использования органами власти в контексте управления межнациональными взаимодействиями в регионе. Пособие ориентировано на получение практических навыков комплексного всестороннего анализа межнациональных отношений в конкретно взятом регионе.

1. Обстановка в стране как фактор жизнеспособности государства в условиях глобальной трансформации

Жизнеспособность государства определяется способностью общественной структуры к удовлетворению основных потребностей членов общества и противодействию деструктивным факторам, угрожающим социуму и интересам его представителей. В этом отношении в равной степени важным является оптимальное внутреннее устройство общества, способность к адаптации по отношению к деструктивным изменениям внутреннего и внешнего характера и собственно защитная функция государства. При этом решающим критерием, определяющим эффективность государственной политики является вопрос внутренней стабильности социальной системы и ее эффективности. Под эффективностью социальной системы в данном случае подразумевается эффективность социальных институтов, взятых по отдельности и их гармоничное взаимодействие. При этом основной целью общественной системы является, в первую очередь, обеспечение благоприятных условий существования членов общества. В этой связи всякое состояние общества, в рамках которого имеет место ущемление интересов определенных социальных групп следует рассматривать в качестве отклонения, которое требует теоретического осмысления и выработки соответствующих дополнительных мер по оптимизации общественной структуры.

В действительности имеет место практически непрерывное возникновение деструктивных социальных факторов, в силу которых происходит недостаточно эффективное функционирование различных социальных институтов. Таким образом, нормальное протекание социального процесса как неизбежный элемент содержит в себе социальную деструктивность. В этом отношении актуализируется вопрос: какими могут быть ориентиры для представителей политической власти, в соответствии с которыми может быть произведена адекватная оценка состояния общества? Развитие общества представляет собой динамичный и во многом противоречивый процесс. Корни этих противоречий пролегают как во внутренней несбалансированности социальной системе, так и в череде различных сторонних факторов, определяющих

возникновение внутрисоциальных противоречий. На этом уровне построение социальной системы, на уровне которой возможно было бы полное удовлетворение основных потребностей членов общества представляет собой скорее идеал, направленность регулятивных процессов общества. По факту, адаптивные возможности общественной системы настолько сильны, что общество может функционировать даже в условиях глубокого нарушения деятельности одного или нескольких социальных институтов.

В этом отношении актуализируется два важных смысловых аспекта. Во-первых, важны тенденции направленности общественных процессов. Иными словами, развитая социально-экономическая система пребывающая в состоянии стагнации имеет подчас значительно более плачевные перспективы, нежели развивающееся общество, бурными темпами наращивающее свой потенциал. Тенденция развития общества – важный показатель эффективности политики по регулированию социальных процессов. Второй существенный аспект заключается в том, что на определенном уровне нарушения функции социальных институтов может иметь место разрушение общественной структуры, что как результат предполагает либо поглощение социальной системы более сильным обществом, либо нарушение государственности и выход общества к состоянию неконтролируемого протекания социальных процессов. Очевидно, что нарушение структуры общества крайне негативно скажется на его членах, поскольку социальные процессы, с выходом на нерегулируемый уровень, приведут к обострению противоречий между отдельными социальными группами и еще большему рассогласованию социальных институтов. Также не является конструктивной альтернативой частичное или полное поглощение социальной системы, что будет детально рассмотрено далее. Таким образом, сохранность социальной структуры является одной из важнейших задач общественной регуляции. В этой связи следует отметить, что возможные направления управленческой деятельности государства протекают не только в сфере решения существующих проблем, но также и в области предотвращения возникновения деструктивных социальных тенденций. Рассмотрим подробнее основные факторы, определяющие внутреннюю стабильность общественной системы.

Развитие общества и его внутренняя стабильность определяются не только внутренними, но и внешними факторами. В этом отношении рассмотрение динамики социальных процессов существенным образом осложняется. Причина коренится в том, что помимо внутренней сложности и противоречивости социальной системы имеет место также многообразие внешних воздействий на социальную структуру общества, что в совокупности определяет актуальное состояние социальных институтов, их эффективность и стабильность. В этом отношении для прояснения причин внутренней нестабильности общества существенное значение приобретает анализ устойчивости общественной структуры по отношению к внешним воздействиям, и, в частности, определение наиболее уязвимых сторон социальной организации. Поэтому теоретически оправданным является разделение факторов социального развития на внутренние и внешние. Следующий шаг заключается в том, чтобы определить направленность тенденций развития общества и интенции развития мировой социальной среды. В этой связи нами будет произведено теоретическое разграничение общих тенденций развития мирового общества и внутренних тенденций развития частной социальной системы. Исходная гипотеза в данном случае заключается в том, что на моментах расхождения глобальных тенденций и направленности развития отдельного общества реализуется наиболее деструктивное взаимодействие отдельного общества с глобальной социальной средой. В этом отношении необходимо разграничить две различных формы тенденций социального развития – глобальные и локальные, характерные для отдельной общественной структуры. Существенное значение приобретает понимание самих по себе оснований обособления социальной структуры.

Общество, являясь коллективным продуктом деятельности множества людей и одновременно социальной средой их обитания, на структурном уровне отражает потребности людей, его составляющих. При этом, чем более сложной и масштабной является социальная система, тем более проблематичным является удовлетворение потребностей всех членов общества. Существенным здесь является не только количественный аспект количества населения государства, но и качественный аспект многообразия социальных типов, представленных на уровне общества. Чем больше

многообразия по критериям менталитета, социального положения, ценностных ориентаций и т. д. имеет место быть на уровне социальной системы, тем более разнонаправленными являются члены общества в плане интенций социальной активности. По этой причине, в частности, малые группы являются значительно более единообразными и сплоченными на уровне общности интересов и схожего характера социального статуса, нежели крупные социальные образования. В этом отношении нагрузка на структурные элементы общества возрастает по мере его качественного усложнения и количественного увеличения. Иными словами, чем более масштабной является социальная структура, тем больше в ней оснований для возникновения конфликта интересов. Таким образом, регулятивная функция общества возрастает по мере его усложнения. Рассматривая на уровне гипотетики глобальную социальную систему, как единый социальный организм нельзя не отметить как неизбежный результат глобализации качественный скачок в росте внутренних конфликтных тенденций. Причина в данном случае заключается в том, что общество стремится к единству своей структуры, в то время как сама по себе социальная среда на уровне отдельных представителей общества характеризуется высокой степенью неоднородности.

Причины, определяющие увеличение масштабов социальной системы коренятся в том, что социальная система, будучи порождением человека, одновременно является его иным – социальной средой его обитания. И, будучи в ряде отношений самостоятельной в плане целеполагания системой, она имеет собственные потребности и тенденции развития. Таким образом разворачивается диалектика индивидуального и общего в рамках социального порядка отдельного общества. Усложнение социальной среды – это необходимый процесс, направленный на оптимизацию достижения интересов общества, как самостоятельной структуры. Таким образом, общество стремится к расширению взаимосвязей с внешней средой с целью более эффективного протекания ряда процессов, например, на уровне экономики или научного познания. Таким образом, если рассматривать вопрос институционально, развитие социального института в конечном итоге приводит к выходу его активности на уровень внешнего взаимодействия с целью оптимизации функционально опреде-

ленных в рамках социального института процессов. На уровне экономики речь идет о процессе международной торговли, инвестиций, торговых и таможенных соглашений, международного разделения труда и т. д. На уровне образования речь идет о совместных образовательных проектах, в частности – практики обучения по обмену или привлечения специалистов из другой страны к преподавательской деятельности. На уровне науки, за исключением специальных коммерческих или государственных исследований, можно судить о практически полном стирании территориальных границ.

По этой причине социальная система в определенной мере является замкнутой в своей идеальной определенности. Иными словами, социальная среда каждого конкретного государства имеет свою специфику, связанную с особенностями менталитета населения, характером производственных и экономических отношений, правовой системой и т. д. В конечном счете это означает также и то, что структура отдельной социальной системы имеет собственные интенции развития и характеризуется наличием особой специфики протекания социальных процессов.

Из проведенного выше обзора можно сделать, как минимум, два существенных вывода. Государство представляет собой более высокую по уровню организации взаимодействия социальных институтов форму, и вместе с тем по своим масштабам уступает мировой социальной среде; при этом полная адекватность и конструктивность процесса глобализации возможна лишь в том случае, когда на уровне политической власти отдельных государств будет достигнуто конструктивное согласие в отношении структуры мирового взаимодействия. До того момента, пока институт государства не выйдет на глобальный уровень, внешняя социальная среда, будучи источником ряда благ и возможностей, остается, при этом, деструктивной по отношению к сложившемуся в отдельно взятом обществе социальному порядку. Здесь следует сделать важную оговорку: речь идет не о безусловной деструктивности каких-либо заимствований, а, скорее, о необходимости сохранения идентичности, имеющей место на уровне отдельных общественных систем. Это тем более важно, что интенсивность современных социальных процессов, по сути, беспрецедентна в истории. И на этом уровне приобретает актуальность следующая про-

блема: насколько в действительности целостной является социальная структура? В свете поставленной проблемы приобретает актуальность рассмотрение ситуации в обществе как фактора стабильности по отношению к внешним деструктивным воздействиям. Вместе с тем, требует теоретического раскрытия и другая сторона вопроса – влияние внешней социальной среды на протекание внутренних процессов в обществе, иными словами – основание дисфункции социальных институтов во внешних условиях существования общества. Исходя из необходимости понимания дестабилизирующих социальных факторов с целью противодействия их влиянию, целесообразно рассмотреть этот аспект вопроса более детально.

Как было показано ранее, существует широкий спектр внутренних факторов, определяющих выход одного или нескольких социальных институтов из состояния адекватного функционирования. Вместе с тем, даже отлаженная социальная система в существенной мере зависит от внешних факторов, что проявляется на уровне адаптации социальной системы к всевозможным изменениям условий ее существования. Таким образом, изменение внешней социальной ситуации требует, соответственно, адаптивного перестроения социальной системы с целью сохранения эффективности ее функционирования. Однако адаптация, как таковая – это не одномоментный процесс, она требует значительных временных ресурсов и подчас связана с большими затратами материальных и человеческих ресурсов общества. Таким образом, серьезные изменения на уровне мирового общества знаменуют собой одновременно выход из равновесия отдельных социальных систем, что приводит к временной дисфункции одного или нескольких социальных институтов. Как итог – пребывание общества в переходном состоянии, когда степень согласованности социальных институтов не является достаточной. Что существенно, современная ситуация в мировом обществе меняется в сторону интенсификации взаимодействия отдельных государств, в силу чего влияние изменений на уровне мирового общества, с одной стороны, становится более сильным, с другой – все более динамичным. В этой связи следует рассмотреть, во-первых, специфику характера взаимодействия общества и мировой социальной среды, и, во-вторых, определить наиболее оптимальное и ста-

бильное по отношению к внешним воздействиям состояние социальной структуры.

Специфика взаимосвязи между отдельным обществом и мировой социальной средой заключается в том, что она реализуется на уровне частных контактов отдельных представителей общества с представителями иных социальных систем, а также на уровне основных социальных институтов. При этом, современная ситуация практически не позволяет социальной системе быть замкнутой на институциональном уровне. Таким образом, существуют внешние экономические связи, межкультурная коммуникация, международная научная деятельность, а также взаимодействие на международном уровне в сфере разрешения сложных правовых или политических вопросов. Институциональный характер взаимодействия различных обществ и международных организаций в данном случае является очень важным аспектом рассматриваемой проблемы, поскольку деструктивные социальные процессы в мировом обществе проявляются именно на уровне отношения глобальных социальных институтов к социальным институтам отдельно взятого общества. Так, например, мировой экономический кризис, затрагивая все сферы общественной жизни, тем не менее, имеет отношение в первую очередь к сфере экономики. Таким образом основные изменения в рамках отдельного общества государства в данном случае будут носить экономический характер, хотя нельзя судить о полной неизменности других социальных институтов.

Важно понимать, что изменения во внешней социальной среде далеко не всегда имеют негативное значение для отдельного общества, однако чаще всего, если не оно само является источником этих изменений, эти изменения являются основанием для трансформации структуры общественной системы. Здесь актуализируется важный аспект проблемы, частично раскрытый ранее – для общественной структуры наиболее благоприятно самой являться источником структурных изменений в глобальной социальной системе, нежели претерпевать на себе воздействия извне. Вместе с тем, именно на этом уровне реализуется серьезный момент конкуренции между ведущими державами. Точкой конфликта интересов в данном случае является оптимальность глобальных процессов для конкретно взятых общественных систем, пре-

тендующих на возможность адаптации внешней среды в соответствии с собственными запросами. В этом отношении от силы государства и его эффективности на ряде уровней протекания социальных процессов напрямую зависит степень конкурентности социальной системы в преобразовании мировой социальной среды. Строго говоря, здесь реализуется существенная альтернатива: либо общество претерпевает изменения извне, либо само оказывает на внешнюю среду активное воздействие. Эта альтернатива, впрочем, не является абсолютно строгой, поскольку социальная среда является в существенной мере пластичной, и, соответственно, помимо отношений прямого воздействия и изменения возможно отношение взаимной адаптации отдельных социальных систем друг к другу.

Поясняя данное различие отметим, что на уровне глобальных социальных институтов не исчерпывается вся специфика социальных процессов, а лишь задаются наиболее общие правила взаимодействия. Иными словами, экономическое взаимодействие между двумя государствами не зависит от способов производства и организации труда, при условии экономической эффективности данного производства. Это явление имеет место и на уровне других, нежели экономика, социальных институтов. Так, например, на уровне науки, вне зависимости от того, каким образом организована научная деятельность в рамках отдельных государств, основное взаимодействие реализуется на уровне продуктов научной деятельности и совместной разработки определенного круга проблем. Таким образом сохраняется определенная самостоятельность отдельных общественных структур в плане вариативности внутренней организации. Это обстоятельство свидетельствует в пользу того, что современное общество не имеет абсолютной тенденции к унификации социальных процессов и приведению их к единой форме. Вместе с тем, нельзя отрицать наличие тенденций проникновения на структурном уровне моделей социальной организации в те общественные системы, которые обнаруживают свою уязвимость или неэффективность по определенным критериям.

Возвращаясь к проблеме внешних дестабилизирующих факторов, приводящих к дисфункции отдельных социальных институтов следует отметить, что данный процесс нельзя исчерпывать одним лишь внешним воздействием на социальную структуру.

Как было показано выше, в зависимости от того, насколько эффективна организация социальных процессов в обществе, оно в большей или меньшей степени подвержено выходу из равновесия под давлением внешних факторов. Таким образом, дисфункция социальных институтов может быть результатом либо крайне сильного по своей интенсивности внешнего воздействия (например, военное вторжение или экономический кризис, глобально изменивший картину экономических отношений), либо суммы факторов, включающих в себя внутренние условия нестабильности и внешнее воздействие, непосредственно влияющее на структуру ослабленного общества.

Итак, дисфункция социальных институтов может являться временным результатом адаптации социальной системы к изменившимся условиям внешней социальной среды. В данном отношении было бы ошибкой рассматривать изменение структуры общества в качестве, безусловно, негативного результата социального процесса. Общество по сути своей динамично и процессы изменения, равно как и процессы адаптации в нем практически непрерывны. Однако важно понимать, что дисфункция определенного социального института может быть не только переходным явлением, связанным с адаптацией общества к изменившимся условиям, но и просто деструктивным итогом изменения внешней среды, требующим оптимизации социальных процессов в соответствии с изменившимися условиями. Последнее предполагает активное рассмотрение внутренних и внешних факторов, определяющих выход социального института из состояния нормального функционирования и их системное рассмотрение, результатом которого может выступить либо противодействие данным факторам, либо реорганизация социального института.

В связи с проведенным выше рассмотрением приобретает актуальность исследование внутренних факторов, определяющих подверженность общества внешним воздействиям. К числу одного из основных факторов в данном случае следует отнести уровень развития социальных институтов в рамках государства. Наиболее уязвимым в данном отношении является слабый, недостаточно развитый социальный институт, поскольку неразвитость социального института естественным образом приводит к необходимости его замещения. Процесс функционального замещения

социального института, при котором ряд функций переносится на другие социальные институты, является результатом адаптации общества к сложившейся неблагоприятной ситуации, однако по факту подобная ситуация одновременно ослабляет остальные социальные институты и делает недостаточно развитый социальный институт наиболее уязвимым для внешнего воздействия. Так, например, страны со слаборазвитой экономикой широко поощряют внешние инвестиции в различные секторы экономики, однако подобный процесс в конечном счете делает эти государства зависимыми от корпораций, которые произвели инвестирование и сделали вклад в развитие промышленности или иного экономического сектора государства.

По сути, ключевой теоретической проблемой при рассмотрении отношения отдельного общества и мировой социальной среды является сохранение баланса между сохранением внутренней структуры общества и его адаптацией к внешним изменениям. Дисфункция социальных институтов общества в условиях процессов глобализации является одним из необходимых следствий современной ситуации в мировом обществе, связанных с его переходным состоянием. При этом существенное значение имеет мера внутренних изменений, связанных с преобразованием структуры общества в условиях глобальных трансформационных процессов. В этом отношении проблема не исчерпывается степенью эффективности организации общества. Важным фактором, определяющим картину развития общественной структуры является состояние внутренних регулятивных процессов, определяющих направленность социального развития. В этом отношении приобретает актуальность направленность общественного сознания и формы его реакции на наличие внутренних структурных проблем общества. Существование общественной структуры предполагает наличие широкого ряда потребностей и интенций на их удовлетворение. При этом, в зависимости от структуры общественных отношений удовлетворение определенного ряда потребностей членов социальной системы оказывается приоритетным, в то время как некоторые потребности длительное время рассматриваются в качестве второстепенных и не находят адекватного удовлетворения. В этом проявляется парадигмальность социальной политики: реализуемая государством модель обще-

ства с необходимостью обладает направленностью на достижение определенного круга задач и оптимизацию определенного набора функциональных составляющих общественной структуры, при этом, из-за ограниченного внутреннего ресурса неизбежным является временное ущемление интересов отдельных социальных групп.

Это явление естественно и в качестве своего итога имеет актуализацию на уровне общественной структуры проблем, длительное время не находивших своего разрешения, что является основанием для изменения социальной структуры. Вместе с тем, данный процесс осложняется тем, что в рамках современного общества, с учетом доступных в настоящее время информационных ресурсов, происходит постепенное проникновение в общественное сознание социальных моделей других обществ. В этой связи может сложиться ситуация, когда при сравнении и сопоставлении социальной ситуации в собственной стране и на уровне ряда зарубежных образцов граждан государства обнаруживает явные преимущества зарубежной социальной модели по отношению к реализованной в рамках его собственной социальной системы. Несовпадение направленности различных обществ в реализации социальной политики может привести к ситуации, когда при приблизительно равном уровне социального развития социальных систем, каждая из них может обладать явными преимуществами в организации определенного социального процесса.

При комплексном рассмотрении вопроса становится видно, что данная ситуация не является основанием для принятия сторонней модели социального устройства. Однако на уровне общественного сознания реализуется абстрактное восприятие зарубежных социальных моделей, характеризующееся выборочным характером сопоставления социальных условий в своем обществе и за рубежом. С учетом того, что в качестве основного критерия в оценке люди склонны выбирать сферу собственных нереализованных социальных интенций, внешняя социальная модель имеет значительно более привлекательный характер, нежели социальное устройство государства, в котором человек проживает. Таким образом, одной из особенностей современной социальной ситуации является направленность населения на заимствование внешних

социальных моделей. Необходимо понимать, что трансформация общества по сторонним образцам, без учета специфики существующей социальной системе чревато серьезными осложнениями на ряде уровней протекания социальных процессов. В этом отношении важно то, что реорганизация даже одного социального института имеет серьезные последствия на уровне социальной системы в целом, требующие адаптации общественной структуры к изменению внутренних условий. И, таким образом, полное заимствование сторонней модели с одной стороны может привести к глубокой дисфункции социальных институтов на моменте трансформации, с другой – привести к возникновению ряда проблем, связанных с несоответствием заимствуемой социальной модели специфике конкретного общества.

Направленность на заимствование сторонней модели развития общества имеет различную степень выраженности в зависимости от того, насколько ситуация в обществе соответствует удовлетворению социальных запросов личности. В этом отношении можно судить о том, что на уровне социальных групп, развитие которых является приоритетным для государства, степень принятия существующего социального порядка значительно выше, нежели на уровне социальных групп, интересы которых не находят отклика на уровне регуляции социальных процессов. При этом, что существенно, в условиях современного информационного обмена социальная напряженность значительно быстрее приобретает осознанный характер направленности на реализацию социальной модели организации других государств.

Следует отметить, что данное явление, будучи преломлением регулятивной функции общества, не является конструктивным для него в силу абстрактного характера социального сознания. Осознание недостатков социальной системы при игнорировании ее явных преимуществ приводит к формированию слепой направленности на изменение социального порядка. Этот процесс не является основанием оптимизации социальной структуры, он является неизбежным следствием нарушения ее функции по одному или нескольким направлениям. В этом отношении для сохранения внутренней стабильности общества важно, чтобы на уровне общественного сознания имело место понимание переходного характера общественной структуры. В конечном итоге

общество стремится к соблюдению интересов всех представленных в нем социальных групп, и наиболее явное ущемление их интересов имеет место на моментах трансформации общественной структуры. В этом отношении процесс оптимизации общественного порядка в конечном счете предполагает обращение государства к тем проблемам, которые на момент решения наиболее актуальных проблем отодвигались на второй план. Таким образом, трансформация общественной структуры как результат на изменение внешней социальной среды, на протяжении определенного периода развития социальной системы оказывает на нее давление на уровне общественного сознания, направленного на заимствование сторонних моделей социального устройства. В этой связи одним из важных направлений социальной деятельности является управление процессами актуализации на уровне социального сознания направленности на преобразование общества. Воспитание социальной грамотности населения, с целью обеспечения на его уровне понимания необходимости производимых на государственном уровне преобразований и общей линии развития государства, направленной на оптимизацию всех уровней социального устройства крайне важно для сохранения внутренней стабильности общества.

Нами были рассмотрены на общем уровне основные интенции развития общественной структуры, связанные с развертыванием глобализационных процессов в мировой социальной среде. Однако данный процесс требует своей детализации на уровне рассмотрения возможных вариантов развития общественной структуры в условиях глобализации. В этом отношении в качестве одного из существенных аспектов выступает степень интенсивности взаимодействия общества с мировой социальной средой на уровне различных социальных институтов. Речь идет в данном случае о том, что в рамках мировой системы не существует равномерности в распределении ролей отдельных государств. Процесс глобализации с необходимостью включает в себя такой важный аспект, как международная специализация на уровне производства различного рода материальных и информационных продуктов, а также оказании различного рода услуг. Это проистекает из неравномерности в распределении ресурсов и различиях в техническом развитии и оснащении производственной базы отдель-

ных государств. В результате складывается ситуация, когда экономический сектор отдельных государств оказывается смещенным в сторону экспортного производства, в то время как внутренние потребности населения удовлетворяются за счет импорта широкого спектра необходимых товаров. Напротив, ряд государств характеризуется высоким развитием внутреннего обеспечения экономических потребностей общества, в силу чего можно судить о значительно более независимом характере развития их экономических систем.

То же самое реализуется и на ряде других уровней социальной организации: некоторые общественные структуры являются источником культурных продуктов, широко транслируемых в рамках мирового информационного пространства. При этом в рамках различных обществ характерен различный уровень потребления внешних по происхождению культурных продуктов. Неравномерность протекания процессов взаимодействия в рамках современного глобализационного процесса приводит к ситуации, когда в рамках отдельно взятого общества происходит смещение направленности развития в сторону какого-либо одного социального института, в то время как остальные функционируют исходя из его интенций развития и связанных с этим социальных запросов. Это явление, затрагивающее, в первую очередь, сферу экономики, получило название гиперфункции социального института и является одним из характерных для современного глобализующегося общества. Рассмотрим последствия гиперфункции социального института и ее последствий для общества, на уровне которого она имеет место.

Гиперфункция социального института предполагает существенный уровень специализации общественной структуры. Поскольку наиболее распространенным является повышенное развитие экономического сектора в государстве, мы рассмотрим особенности гиперфункции социального института на уровне гиперфункции института экономики. Специализация общества на определенной разновидности экономической деятельности является результатом внутренней специфики распределения ресурсов в рамках государства, в сочетании с повышенной потребности на уровне глобальной экономики в этом виде деятельности или ресурса. В этом отношении одним из характерных (но не един-

ственно возможных) примеров гиперфункции экономики является сырьевое производство в малоразвитых странах, на уровне которого осуществляется удовлетворение основных экономических потребностей общества. Другим характерным примером является невиданный размах обрабатывающей промышленности, преимущественно, организованной на средства инвесторов, в странах Азии, что получило название «азиатского чуда» экономического развития. Характерной особенностью экономической специализации является то, что какой-то один род экономической деятельности приобретает центральное значение на уровне общества.

В связи с этим реализуется несколько тенденций в отношении адаптации других социальных институтов к сложившейся экономической ситуации. Во-первых, на уровне образовательной системы реализуется существенное смещение в пользу той формы производственной деятельности, которая имеет приоритетное значение. Соответственно, население, не имеющее возможности участвовать в данном роде экономической деятельности обладает значительно урезанными возможностями по добыче материальных ресурсов, а также обладают меньшими возможностями к достижению высокого социального статуса. Приоритет определенной сферы экономической деятельности превращает остальные сферы экономической деятельности в своеобразный придаток основной отрасли. Это существенным образом влияет на распределение социальных ролей. Следующим важным следствием является то, что в рамках общества, на уровне которого имеет место гиперфункция экономики, сфера производства является в значительной мере неоднородной, что делает население зависимым от импорта необходимых товаров. В частности, такие государства принимают на себя удар в случае развертывания на уровне мировой экономики кризисных тенденций.

Что касается влияния гиперфункции экономики на институт государства, следует отметить, что в рамках общества, в котором имеет место существенное смещение акцентов в направлении одного из социальных институтов, достаточно сложно производить социальную регуляцию, не затрагивая при этом основной социальный институт. Кроме того, неравномерность развития общества предопределяет его несамостоятельность, поскольку удовлетворение широкого спектра потребностей членов общества нахо-

дится в прямой взаимосвязи от эффективности экономического взаимодействия. По сути, чем менее полно представлена на уровне общества сфера обеспечения населения, тем больший момент экономической зависимости имеет место. При этом, как уже было показано выше, наличие определенной приоритетной сферы деятельности приводит к развитию социального неравенства, что грозит нарастанием социальных противоречий и возникновением социальной напряженности.

К положительным сторонам гиперфункции определенного социального института не как состояния, а как процесса, следует отнести постепенное повышение уровня жизни населения и возможностей общества. Рассматривая саму возможность гиперфункции определенного социального института, следует отметить, как один из возможных факторов, общий низкий уровень развитости социальных институтов, при котором активное развитие какого-то одного социального института сопровождается смещением акцентов в его сторону. В этом смысле гиперфункция определенного социального института может представлять собой переходное состояние общества, которое впоследствии должно смениться гармонизацией социального развития.

Стабильное адекватное функционирование общественной структуры предполагает, как необходимое основание, противодействие деструктивным факторам, дестабилизирующим общественную ситуацию. В этом отношении одной из серьезных проблем является противодействие экстремистской деятельности, направленной на разрушение государственных устоев общества. По сути, на уровне экстремизма реализуется направленное противодействие государству, проявляющееся на различных уровнях – от культурно-коммуникативного до силового. В этом отношении приобретает существенную теоретическую значимость исследование оснований существования данного явления с целью выработки оптимального набора мер не только для противодействия существующей экстремистской деятельности, но и для предотвращения возникновения экстремистских тенденций на уровне общества в будущем. В этой связи приобретает актуальность комплексное исследование природы экстремизма, как сложного социального явления и рассмотрение основных рычагов воздействия на данную проблему. Следует отметить, что проблема экс-

тремизма имеет достаточно серьезную разработку на уровне исследования основных наиболее характерных свойств экстремистской деятельности, что предполагает разработку теоретического определения понятия экстремизма, а также историческое рассмотрение основных форм данного феномена. Вместе с тем, будучи социальным явлением, экстремизм требует не только исторического, но и комплексного социологического исследования, в рамках которого могут быть рассмотрены основные факторы возникновения и существования экстремизма на уровне системы общества. В частности, большое значение имеет проблема истоков экстремизма, оснований его возникновения в рамках общества. В этой связи, рассматривая вопрос аналитически, можно выделить две основные группы факторов, определяющих возможность возникновения экстремизма в обществе – внешние и внутренние. Рассмотрение данных факторов может существенным образом способствовать теоретическому раскрытию проблемы экстремизма, и, в частности, способствовать выработке системной методологии противодействия экстремизму. В этой связи первоначальная постановка вопроса заключается в том, каковы основания возникновения экстремизма на уровне общества. Поскольку экстремизм представляет собой деятельность, прямо противопоставляющую себя государственной структуре, приобретает значимость первоначальное рассмотрение государства, как главного объекта экстремистской деятельности.

Государство представляет собой сложный социальный институт, на уровне которого, с одной стороны, производится определение структуры общества, с другой – регуляция социальных процессов с целью оптимизации общественной системы. В этой связи имеет значение направленность экстремизма, поскольку противодействие государству, таким образом, может относиться либо к его регулятивной функции, либо к самой структуре общества, выраженной на государственном уровне. Проведенное разделение на функциональную и структурную составляющие института государства показывает, что существует значительная степень вариативности в данном вопросе. Экстремистская активность, направленная против государственной регулятивной деятельности может иметь как уровень личностного неприятия (например, негативное отношение к лицу, наделенному властны-

ми полномочиями), так и уровень отрицания определенных направлений государственной политики. Данный уровень неприятия власти зачастую носит поверхностный характер ситуативного отрицания определенных направлений динамики политического регулирования, либо недовольства определенными социальными изменениями, зачастую не связанными напрямую с деятельностью государства. В данном случае существенным является то, что политическая власть реализуется на уровне динамических процессов, и, таким образом, недовольство теми или иными аспектами государственной политики может иметь кратковременный характер. Экстремизм, направленный против структурной определенности общества представляет собой куда более серьезное явление, поскольку в данном случае речь идет о прямом отрицании определенных аспектов социального порядка. В данном случае экстремистское сознание имеет значительно более постоянный характер в силу постоянства объекта неприятия. Вместе с тем, и для первого и для второго случая характерно отрицание государства или отдельных его структурных элементов. Следует разграничивать социальную критику деятельности политической власти и экстремизм. Социальная критика представляет собой момент осознания сильных и слабых сторон государственной политики, в рамках которой не производится отрицание государства, как такового, но рассматривается момент оптимальности политических процессов. Как таковая, социальная критика является одним из серьезных механизмов осознания политической реальности на уровне общества. При этом, для социальной критики характерным является стремление к конструктивному протеканию социальных процессов в рамках существующего государственного порядка. Экстремизм, напротив, реализуется на уровне отождествления существующих негативных социальных тенденций с государством в целом, в силу чего устранение определенных социальных проблем видится возможным посредством разрушения государственного строя общества. Таким образом, на уровне экстремизма, по сути, реализуется отрицание конструктивной методологии социальной регуляции. Данный аспект имеет важное теоретическое значение и в дальнейшем будет подвергнут специальному рассмотрению. На настоящем этапе исследования представляет интерес вопрос о том, в какой взаимосвязи находят-

ся функция государства, как социального института, и существование экстремистской деятельности. Речь идет о том, что экстремизм, как явление имеет основания на социальном уровне, и, таким образом, является одной из системных проблем общественного развития. И поскольку на уровне экстремизма, по сути, производится попытка смены политической парадигмы, отдельного интереса заслуживает вопрос о том, каковы причины столь радикальной реакции на определенный негативный социальный опыт. Большое значение в данном случае приобретает вопрос о том, какие факторы определяют возможность сбоя системы социальной регуляции, в силу которой субъекты общественных отношений прибегают к методологии, неприемлемой в рамках существующей социальной системы. В этом отношении для начала имеет существенное теоретическое значение рассмотрение механизмов социальной регуляции в обществе на уровне государства, с целью определения их возможных сбоев.

Государство представляет собой сложное образование, на уровне которого реализуется объединение всех основных социальных институтов общества и регулирование их функции. В этом отношении государство, по сути, представляет собой целостную систему социальной регуляции. При этом состояние отдельных социальных институтов напрямую сказывается на структуре общества. По этой причине государство не только регулирует протекание социальных процессов на уровне управления функцией и структурой социальных институтов, но также и само претерпевает существенные воздействия со стороны различных социальных институтов. На этом уровне реализуется существенный аспект взаимосвязи социальных институтов, в рамках которого актуальное состояние одного социального института оказывает непосредственное воздействие на общество в целом. В этой связи теоретически оправдано рассматривать различные социальные институты с точки зрения их органичной взаимосвязи. При таком рассмотрении общество представляет собой своеобразный социальный организм, функционирование которого определяется рядом внутренних факторов согласованности социальных институтов.

Ранее нами была подвергнута детальному анализу проблема дисфункции социальных институтов и взаимного влияния состояния социальных институтов в рамках общества. Суть этой про-

блемы заключается в том, что функциональное нарушение какого-либо одного из социальных институтов в конечном счете оказывает влияние на все срезы общественной жизни, вызывая различные по своему масштабу отклонения от социальной нормы. Вместе с тем, даже при достаточно высоком уровне развития социальных институтов их рассогласование может также иметь существенные деструктивные последствия для общества в целом. В этой связи деятельность государства направлена на такую организацию функционирования социальных институтов, при которой они будут достаточно эффективны, чтобы удовлетворять основные социальные потребности населения, и при этом не будут вступать друг с другом в отношении явного противоречия. В соответствии с этим, на уровне общества существует ряд механизмов, направленных на выявление неблагоприятных социальных факторов. Таким образом, деятельность государства заключается в оптимизации общественного состояния и управлении основными социальными процессами на различных уровнях. В свете поставленной теоретической проблемы особое значение приобретают механизмы выявления актуальных социальных проблем, поскольку возникновение в рамках общества экстремистской деятельности предполагает либо сбой в процедуре выявления основных социальных проблем, либо недостаточно эффективную политику их разрешения.

Существует несколько наиболее важных путей определения социальной дисфункции. Это мониторинг ситуации на уровне социологических опросов, анализа информации налоговых и пенсионных служб, отчетов представителей региональных и муниципальных служб, правоохранительных структур и т. д. Общим здесь является то, что государство задействует основные свои информационные ресурсы с целью определения актуальной ситуации в обществе. Еще одним важным механизмом определения специфики социальной ситуации является обратная связь между государством и населением, что может проявляться на уровне писем представителям власти, коллективных обращений, встреч населения с выборными представителями власти и т. д.. Здесь реализация механизмов определения актуальной ситуации в обществе имеет адресный характер, но в совокупности позволяет получить данные о характере социальных проблем, что впослед-

ствии может способствовать их постановке и разрешению. Также большое значение имеет социологический анализ тенденций направленности общественного сознания, показывающий наиболее актуальные на уровне общественного сознания проблемы и вопросы. На уровне этих механизмов, что существенно, реализуется не только активное исследование государством социальной реальности, но также имеет место возможность членов общества оказывать непосредственное воздействие на протекание политических процессов. В этом отношении демократическая форма правления предполагает высокий уровень ответственности представителей власти перед населением, что существенным образом расширяет возможности населения по участию в управлении жизнью общества. Проведенный анализ показывает, что для большинства государств характерна ситуация, в рамках которой население, испытывающее определенные социальные потребности, имеет существенные рычаги воздействия на органы власти. Таким образом оптимальное функционирование общественной структуры предполагает ситуацию, в рамках которой исключается вынужденное возникновение экстремизма, как единственно возможной методологии изменения социальной реальности. Под вынужденным возникновением экстремизма в данном случае подразумевается ситуация, в рамках которой интенции членов общества по преобразованию социальной структуры сталкиваются с ситуацией, в рамках которой не сложившийся социальный порядок делает невозможным осуществление преобразовательной направленности определенных групп населения. Это является аргументом в пользу того, что возникновение экстремизма в демократических странах не является обусловленным отсутствием возможной методологии разрешения существующих социальных проблем при помощи средств, допустимых в рамках общества. Таким образом, возникновение экстремизма обусловлено не отсутствием, но отрицанием возможности к адекватному урегулированию социального конфликта в рамках государства.

Как было показано выше, одним из существенных условий возникновения экстремизма в обществе является социальный конфликт между определенной социальной группой и государством. При этом либо он должен не иметь разрешения на уровне законных средств воздействия на представителей власти, либо

данные средства должны отрицаться субъектами экстремистской деятельности. На этом уровне актуализируется важный теоретический аспект проблемы: экстремизм, как явление не имеет достаточного основания на уровне общественной структуры на уровне ситуации, когда не существует альтернатив существующему государственному порядку. При этом имеет место серьезный момент символизма: субъекты экстремистской активности зачастую рассматривают себя институционально, в качестве носителей альтернативного социального порядка. Не менее важен и другой символический аспект – отождествление государственной структуры, правоохранительных органов и даже населения с существующим и негативно воспринимаемым социальным порядком, в результате чего становятся допустимыми такие средства борьбы, как насилие, проведение террористических акций, физическое устранение представителей властных структур и т. д. При этом важно, что возникновение экстремизма, как организованного явления предполагает, по сути, существование организованной социальной структуры, на уровне которой реализуется методология противодействия государству и активное социальное целеполагание. И здесь реализуется существенный механизм развития экстремистских тенденций: противопоставление государству делает экстремизм, по сути, внешним по отношению к обществу государства явлением. Иными словами, на уровне противостояния государство – экстремистская организация, реализуется конфликт между двумя организованными структурами, имеющими самостоятельное значение. В таком виде экстремизм во многом по форме сопоставим с военным конфликтом между двумя государствами, различаясь в методологии и формах протекания противостояния данных структур. Справедливо было бы в данном случае утверждать, что экстремизм является не столько внутренним явлением общества, сколько формой противодействия его структуре изнутри. Данное уточнение значимо в силу того, что на уровне межгосударственного противостояния также реализуется практика борьбы с государством посредством пропаганды, деятельности, направленной на разрушение его социальных основ, проведения диверсионных действий и т. д.. При этом, что существенно, экстремизм как осознанный вид деятельности предполагает либо создание, либо наличие структурной альтернативы

существующему социальному порядку. И в данном случае речь идет либо о переносе интересов ограниченной социальной группы на уровень общества в целом, либо заимствование сторонней модели социального устройства, существенным образом отличной от существующей актуально на уровне общества.

В этой связи актуализируется вопрос о природе, и, в частности, локализации экстремистского образования. Источник возникновения и организации экстремистской деятельности может существовать внутри общественной структуры, либо являться сторонней силой, заинтересованной в дестабилизации ситуации в обществе.

При локализации экстремистской группы внутри общества приобретает интерес вопрос того, каковы механизмы возникновения на уровне общества социальных прослоек населения, подверженных вовлечению в экстремистскую деятельность. Рассмотрим подробнее данный вопрос с учетом специфики социального самоопределения субъектов общественных отношений.

Общество, в силу сложности организации и наличия внутренних процессов регуляции, представляет собой объединение множества людей, обладающих различными и подчас противоречащими друг другу интересами. В этом отношении функция общества на этапе его развития не состоит в удовлетворении всех потребностей членов общества, она заключается в их объединении с целью приобретения возможностей к удовлетворению личных запросов. При этом на уровне общества происходит удовлетворение наиболее важных потребностей индивидов, к числу которых относится обеспечение безопасности, создание условий для обеспечения жизнедеятельности и т. д. Существенным в данном случае является то, что неотъемлемой чертой общественных отношений являются конкуренция отдельных членов общества и конфликтность их интересов. В этом отношении социальная регуляция направлена на разрешение социальных конфликтов посредством регламентации социальных отношений. Необходимым итогом социального процесса в обществе является распределение благ, реализация которого происходит неравномерно. Таким образом, неизбежным моментом социальной реальности является наличие индивидов, по тем или иным причинам не удовлетворенных собственным социальным статусом, материальным положе-

нием и т. д. В ряде случаев данный процесс обладает системным характером, что приводит к образованию социальных групп, на уровне которых имеет место высокий уровень социальной напряженности. Это является одним из важных условий возникновения экстремизма, однако не единственным. Экстремизм предполагает не только наличие деструктивной социальной энергии, но также и момент идеологии противостояния существующему социальному порядку. В этом отношении социальная деструктивность, имеющая место на уровне прослоек населения, неудовлетворенных сложившейся ситуацией, требует своего оформления на уровне создания структуры, противопоставляющей себя государственному строю. Речь идет не просто о возникновении условий, способствующих нарушению правовых норм государства. Сопоставление экстремизма и преступности показывает, что даже на уровне организованной преступности основным моментом целеполагания является не разрушение существующего государственного строя, но достижение личных корыстных целей противоправным методом. Экстремизм представляет собой значительно более сложное явление в силу того, что экстремистская деятельность предполагает подчинение субъекта общей цели организации, связанной с разрушением существующего социального строя.

Специфика возникновения экстремизма связана с выходом социальной напряженности на уровень деструктивной активности. При этом сфера интересов экстремистски настроенной группы состоит в преобразовании существующего социального порядка. Совсем иначе дело обстоит в ситуации, когда источник экстремизма локализован вне общества. В данном случае сфера интересов экстремистской организации связана не с оптимизацией социального порядка общества посредством разрушения и перестроения существующего социального порядка, а, напротив, с причинением ущерба государству, против которого направлена экстремистская деятельность. В данном случае в качестве заинтересованной стороны может выступить любая организация вплоть до другого государства, чья сфера интересов вступает в конфликт с интересами политической власти государства, на которое направлена деструктивная радикальная деятельность экстремистов. В этом отношении может существовать множество основа-

ний мотивации к разрушению социального порядка в конкретном государстве, от национальной или расовой нетерпимости, религиозных соображений, вплоть до экономических интересов. Существенным в данном случае является то, что деструктивное воздействие на общество оказывается с привлечением его внутренних ресурсов. Иными словами, для организации экстремистской деятельности извне также требуются условия на уровне неблагоприятной ситуации внутри общества. И на этом уровне актуализируется важный аспект проблемы, во многом способствующий выработке адекватных мер по противодействию процессам возникновения очагов экстремизма в обществе: от эффективности социальной регуляции, и, в частности, от эффективности диалога между политической властью и гражданским обществом существенным образом зависит то, насколько резистентным является общество по отношению к внешней активности, направленной на дестабилизацию ситуации.

На этом уровне видится перспективной обстоятельная аналитика взаимосвязи различных социальных институтов с целью понимания процессов их взаимного определения, что может способствовать выработке наиболее оптимальной стратегии социального развития.

Вопросы для углубленного осмысления исследуемой проблематики:

1. Какой из социальных институтов является самым динамичным?
2. Изменения в функционировании какого из институтов несут наиболее латентный характер?
3. Каково прогнозирование ситуации, в которой замкнутая социальная система запаздывает в плане развития по отношению к открытой мировой? Какое это значение будет иметь для национального самосознания?

2. Анализ этнодемографических особенностей Краснодарского края

Краснодарский Край и Республика Адыгея представляют собой полиэтничные регионы, что определяет специфику протекания общественных процессов и их характер. Полиэтнический характер региона связан как с историческими факторами, так и с высокой привлекательностью для осуществления миграции. К факторам, определяющим привлекательность Краснодарского Края и Республики Адыгея для проживания относятся благоприятные климатические условия, высокое экономическое развитие региона, широкие возможности по трудоустройству, наличие «принимающей стороны» в лице уже сложившихся диаспор. Все это в совокупности определяет благоприятные условия для миграции как внутри страны, так и со стороны ближнего зарубежья. Для понимания общей специфики межнациональных отношений важное значение имеет количественное соотношение представителей различных этнических групп, что напрямую влияет на характер их взаимодействия с представителями титульной нации, а также формат и условия самоопределения. Ниже представлены количественные демографические показатели основных этнических групп, проживающих на территории Краснодарского Края.

Таблица 1. Распределение населения по национальностям в Краснодарском крае, по данным переписей населения, человек

Национальность	Численность, чел.	% в общей численности	Данные о численности для РФ	% в общей численности для РФ
Русские	4 436 272	86,56%	115889,107	79,83
Армяне	274 566	5,36%	1182388	0,86
Украинцы	131 774	2,57%	2942,961	2,03
Греки	26 540	0,52%	85640	0,06
Белорусы	26 260	0,51%	807,97	0,56
Татары	25 589	0,50%	5554,601	3,83
Грузины	20 500	0,40%	157803	0,12
Немцы	18 469	0,36%	597,212	0,41
Адыгейцы	15 821	0,31%	124835	0,09
Турки	13 496	0,26%	105058	0,08

Лица, не указавшие национальность	13 190	5629429		
Азербайджанцы	11 944	0,23%	603070	0,44
Цыгане	10 873	0,21%	182,766	0,13
Молдаване	6 537	0,13%	172,33	0,12
Курды	5 022	0,10%	23232	0,02
Мордва	4 861	0,09%	744237	0,54
Черкесы	4 446	0,09%	73184	0,05
Езиды	4 441	0,09%	40586	0,03
Чуваши	4 141	0,08%	1637,094	1,13
Осетины	4 133	0,08%	528515	0,39
Ассирийцы	3 764	0,07%	11084	0,008
Лезгины	3 752	0,07%	473722	0,35
Удмурты	3 425	0,07%	552299	0,4
Корейцы	3 289	0,06%	153156	0,11
Шапсуги	3 213	0,06%	3882	0,003

Исходя из данных таблицы 1 видно, что основной состав населения представлен русским населением и составляет 86,56% от общей численности населения (по данным переписи 2010 г.). Доля русского населения всей Российской Федерации составляет 79,83%. Среди других национальностей наиболее значимыми являются армяне (5,36%) и украинцы (2,57%).

Общая характеристика миграционной ситуации в Краснодарском крае выглядит следующим образом:

Внутрирегиональная миграция за январь-сентябрь 2017 г. уменьшилась на 6 698 человек, или на 13,1% по сравнению с соответствующим периодом 2016 г.

Миграционный прирост населения края по сравнению с январем-сентябрем 2016 г. уменьшился на 17 741 человека, или на 38,1%, что произошло за счет снижения числа прибывших в край на 13 770 человек, или на 12,2%.

В январе-сентябре 2017 г. положительное сальдо миграции наблюдалось со всеми участниками стран СНГ.

Среди стран СНГ 55,0% миграционного прироста приходилось на Украину, 21,6% – на Казахстан, 5,5% – на Беларусь.

Таблица 2. Общие итоги миграции населения (Краснодарский край) человек

	Январь – сентябрь					
	2017			2016		
	число прибывших	число выехавших	миграционный прирост (+), снижение (-)	число прибывших	число выехавших	Миграционный прирост (+), снижение (-)
Миграция – всего	143041	114207	+28834	163509	116934	+46575
из нее:						
в пределах России	128870	104952	+23918	145260	109429	+35831
в том числе:						
внутрирегиональная	44273	44273	-	50971	50971	-
межрегиональная	84597	60679	+23918	94289	58458	+35831
международная миграция	14171	9255	+4916	18249	7505	+10744
в том числе:						
со странами СНГ	12166	8215	+3951	15788	6149	+9639
с другими зарубежными странами	2005	1040	+965	2461	1356	+1105
Внешняя для края миграция	98768	69934	+28834	112538	65963	+46575

По данным исследования миграции населения в Краснодарском Крае за 2016 год миграционный прирост составил 46 575 человек, в отличие от 2017 года, где по данным таблицы прибыло в наш край 28 834 человека. Так, из других регионов в 2017 году к нам прибыло 23 918 человек, хотя в 2016 году к нам пришло 35 831 человек. Если рассматривать международную миграцию, можно увидеть, что прирост края в 2017 году составил 4 916 человек, что, на 5 828 человек меньше, чем в предыдущем году. Исследуя данные статистики, пришедших из стран СНГ в нынешнем году составило 3 951, в отличие от 2016 года и прибывших было 9 639.

Подводя итог анализа данного материала, можно сделать вывод: внешняя миграция хоть и относительно упала с 46 575 (за год) до 28 834 (с января по сентябрь), но все еще сохраняется тенденция положительного прироста. Основными причинами положительного прироста большинство респондентов назвали благоприятные климатические и социально-экономические условия.

Подтверждает последний факт и сводная статистика по распределению социального неравенства по стране.

Таблица 3. Распределение численности населения, относящегося к соответствующей 20-процентной группе населения по уровню благосостояния по России в целом, по субъектам Российской Федерации

	Все население	в том числе население, относящееся к соответствующей 20-процентной группе					
		к первой	ко второй	к третьей	к четвертой	к пятой	из нее к 5-процентной группе с наивысшими доходами
Российская Федерация	100	100	100	100	100	100	100
Центральный федеральный округ	27,1	19,5	22,9	25,5	28,9	38,6	48,7
Белгородская область	1,1	1,0	1,1	1,2	1,1	0,9	0,7
Брянская область	0,9	1,0	1,0	0,9	0,8	0,6	0,4
Владимирская область	1,0	1,2	1,2	1,1	0,9	0,5	0,2
Воронежская область	1,6	1,6	1,6	1,6	1,7	1,6	1,4
Ивановская область	0,7	0,9	0,9	0,8	0,6	0,3	0,2
Калужская область	0,7	0,7	0,8	0,8	0,7	0,5	0,3
Костромская область	0,5	0,6	0,6	0,5	0,4	0,2	0,1
Курская область	0,8	0,8	0,9	0,8	0,8	0,6	0,4
Липецкая область	0,8	0,8	0,8	0,9	0,8	0,7	0,5
Московская область	5,0	2,6	3,8	4,9	6,2	7,7	7,9
Орловская область	0,5	0,7	0,6	0,6	0,5	0,3	0,1
Рязанская область	0,8	0,9	0,9	0,9	0,7	0,5	0,3
Смоленская область	0,7	0,8	0,8	0,7	0,6	0,4	0,2
Тамбовская область	0,7	0,9	0,8	0,8	0,7	0,5	0,3
Тверская область	0,9	0,9	1,2	1,1	0,9	0,5	0,2
Тульская область	1,1	1,0	1,2	1,2	1,1	0,8	0,5
Ярославская область	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,7	0,5
г. Москва	8,5	2,2	3,8	5,8	9,3	21,4	34,6
Северо-Западный федеральный округ	9,6	7,5	9,1	10,0	10,7	10,8	10,1
Республика Карелия	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5	0,3	0,1
Республика Коми	0,6	0,5	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7
Архангельская область	0,8	0,5	0,7	0,9	1,0	0,9	0,7
в том числе:							
Ненецкий авт. округ	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,2

	Все население	в том числе население, относящееся к соответствующей 20-процентной группе					
		к первой	ко второй	к третьей	к четвертой	к пятой	из нее к 5-процентной группе с наивысшими доходами
Архангельская область без Ненецкого авт. округа	0,8	0,5	0,7	0,9	1,0	0,8	0,5
Вологодская область	0,8	0,8	0,9	0,9	0,9	0,6	0,3
Калининградская область	0,7	0,7	0,8	0,7	0,7	0,4	0,3
Ленинградская область	1,2	1,3	1,4	1,3	1,3	0,9	0,6
Мурманская область	0,5	0,2	0,4	0,6	0,7	0,7	0,6
Новгородская область	0,4	0,5	0,5	0,5	0,4	0,3	0,2
Псковская область	0,5	0,6	0,6	0,5	0,4	0,2	0,1
г. Санкт-Петербург	3,6	2,1	2,7	3,3	4,2	5,7	6,6
Южный федеральный округ	9,7	10,9	10,4	10,0	9,5	7,8	6,1
Республика Адыгея	0,3	0,4	0,4	0,3	0,3	0,2	0,1
Республика Калмыкия	0,2	0,5	0,2	0,1	0,1	0,0	0,0
Краснодарский край	3,8	3,5	3,6	3,8	4,0	4,1	3,8
Астраханская область	0,7	0,9	0,8	0,7	0,6	0,4	0,3
Волгоградская область	1,8	2,3	2,2	2,0	1,5	0,8	0,4
Ростовская область	2,9	3,2	3,2	3,1	2,9	2,3	1,6
Северо-Кавказский федеральный округ	6,7	9,5	7,9	6,8	5,7	3,7	2,2
Республика Дагестан	2,1	2,1	2,2	2,2	2,1	1,6	1,1
Республика Ингушетия	0,3	0,9	0,4	0,2	0,1	0,0	0,0
Кабардино-Балкарская Республика	0,6	1,1	0,8	0,6	0,4	0,2	0,1
Карачаево-Черкесская Республика	0,3	0,6	0,4	0,3	0,2	0,1	0,0
Республика Северная Осетия - Алания	0,5	0,7	0,6	0,5	0,4	0,2	0,1
Чеченская Республика	1,0	1,4	1,1	0,9	0,8	0,5	0,3
Ставропольский край	1,9	2,7	2,3	2,0	1,7	1,0	0,6
Приволжский федеральный округ	20,6	25,1	22,4	20,8	19,2	15,7	12,4
Республика Башкортостан	2,8	3,2	2,9	2,8	2,8	2,5	2,0
Республика Марий Эл	0,5	0,9	0,6	0,4	0,3	0,1	0,0
Республика Мордовия	0,6	1,1	0,7	0,5	0,3	0,1	0,0
Республика Татарстан	2,7	2,5	2,5	2,7	2,8	2,9	2,7
Удмуртская Республика	1,1	1,2	1,2	1,2	1,0	0,7	0,4
Чувашская Республика	0,9	1,5	1,1	0,8	0,6	0,2	0,1
Пермский край	1,8	1,7	1,7	1,8	1,9	2,1	2,2
Кировская область	0,9	1,1	1,1	1,0	0,8	0,4	0,2
Нижегородская область	2,3	2,0	2,2	2,3	2,5	2,4	2,1

	Все население	в том числе население, относящееся к соответствующей 20-процентной группе					
		к первой	ко второй	к третьей	к четвертой	к пятой	из нее к 5-процентной группе с наивысшими доходами
Оренбургская область	1,4	1,8	1,6	1,5	1,2	0,8	0,4
Пензенская область	0,9	1,4	1,2	1,0	0,7	0,4	0,2
Самарская область	2,2	2,7	2,3	2,2	2,1	1,8	1,5
Саратовская область	1,7	2,8	2,2	1,7	1,3	0,7	0,3
Ульяновская область	0,9	1,1	1,1	0,9	0,8	0,5	0,2
Уральский федеральный округ	8,5	7,4	8,0	8,5	9,0	9,7	9,8
Курганская область	0,6	1,0	0,8	0,6	0,4	0,2	0,1
Свердловская область	3,0	2,2	2,6	3,0	3,4	3,9	3,9
Тюменская область	2,5	1,5	1,8	2,2	2,8	4,1	5,0
в том числе:							
Ханты-Мансийский авт. округ - Югра	1,1	0,5	0,7	1,0	1,4	2,1	2,6
Ямало-Ненецкий авт. округ	0,4	0,1	0,1	0,2	0,4	1,0	1,7
Тюменская область (кроме Ханты-Мансийского а.о. и Ямало-Ненецкого а.о.)	1,0	1,0	1,0	1,0	1,1	1,0	0,8
Челябинская область	2,4	2,7	2,8	2,7	2,4	1,5	0,8
Сибирский федеральный округ	13,4	17,8	15,8	14,0	11,8	7,6	4,6
Республика Алтай	0,1	0,3	0,2	0,1	0,1	0,0	0,0
Республика Бурятия	0,7	0,9	0,7	0,7	0,6	0,5	0,4
Республика Тыва	0,2	0,5	0,3	0,2	0,1	0,0	0,0
Республика Хакасия	0,4	0,6	0,5	0,4	0,3	0,1	0,1
Алтайский край	1,7	2,5	2,0	1,7	1,3	0,7	0,3
Забайкальский край	0,8	1,0	0,9	0,8	0,7	0,4	0,2
Красноярский край	2,0	2,2	2,1	2,1	2,0	1,6	1,2
Иркутская область	1,7	2,3	2,0	1,8	1,4	0,8	0,4
Кемеровская область	1,9	2,7	2,4	2,0	1,6	0,8	0,4
Новосибирская область	1,9	2,3	2,3	2,1	1,8	1,1	0,6
Омская область	1,4	1,7	1,5	1,4	1,3	1,0	0,8
Томская область	0,7	0,9	0,9	0,8	0,7	0,4	0,2
Дальневосточный федеральный округ	4,3	2,5	3,5	4,3	5,2	6,1	6,0
Республика Саха (Якутия)	0,7	0,4	0,5	0,7	0,8	1,0	1,0
Камчатский край	0,2	0,1	0,1	0,2	0,3	0,4	0,3
Приморский край	1,3	0,9	1,2	1,4	1,6	1,7	1,5
Хабаровский край	0,9	0,4	0,7	0,9	1,2	1,4	1,3
Амурская область	0,6	0,5	0,6	0,6	0,6	0,5	0,4

	Все население	в том числе население, относящееся к соответствующей 20-процентной группе					
		к первой	ко второй	к третьей	к четвертой	к пятой	из нее к 5-процентной группе с наивысшими доходами
Магаданская область	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,2	0,3
Сахалинская область	0,3	0,1	0,2	0,3	0,4	0,7	1,0
Еврейская авт. область	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0
Чукотский авт. округ	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1

Согласно приведенной таблице регион находится на четвертом месте по уровню присутствия населения с высшим социальным показателем, а в совокупности с Республикой Адыгея на шестом по стране. Республика Адыгея менее привлекательна для мигрантов в социально-экономическом плане, но выигрывает за счет близости к Краснодарскому краю. Нередко трудовые мигранты выбирают местом жительства Республику Адыгею по причине дешевизны жилья, но работают в г. Краснодаре и крае.

Далее приводится детализация миграционных процессов.

Таблица 4. Число прибывших в Краснодарский край (человек)

	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Миграция – всего ¹⁾	84366	176884	216251	210021	208363	212863
в том числе:						
в пределах России	77983	160591	197827	187879	185381	189313
в том числе:						
Внутрирегиональная	31591	59878	69516	70674	66615	66794
Межрегиональная	46392	100713	128311	117205	118766	122519
международная миграция	6383	16293	18424	22142	22982	23550
в том числе:						
из стран СНГ	4945	12326	14001	18815	19806	20329
в том числе по странам:						
Беларусь	208	337	488	673	349	416
Казахстан	1178	2107	2131	2175	2416	2377
Республика Молдова	213	601	681	809	806	799
Украина	1103	2700	3086	7117	9716	9480
Государства Закавказья	1065	3319	4216	5384	3957	4672
Азербайджан	124	343	428	521	442	497
Армения	941	2976	3788	4863	3515	4175
Государства Средней Азии	1178	3262	3399	2657	2562	2585

Кыргызстан	570	891	682	610	579	597
Таджикистан	131	399	449	412	370	455
Туркменистан	128	206	172	151	180	186
Узбекистан	349	1766	2096	1484	1433	1347
из стран дальнего зарубежья	1438	3967	4423	3327	3176	3221
Внешняя для края миграция	52775	117006	146735	139347	141748	146069

1) Здесь и далее с января 2011г. в статистический учет долгосрочной миграции населения включены также лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более.

Данные по уровню миграции свидетельствуют о неуклонном росте миграционных процессов: в период с 2000 по 2016 г. уровень миграции вырос с 84 366 человек до 212 863 человека соответственно. При этом изменилось соотношение внутренних (в пределах России) миграционных процессов в Краснодарский Край и международных миграционных процессов: если в 2010 году международная миграция составляла 7,5%, то в 2016 этот показатель вырос до 11%. Также существенно изменилось соотношение внутрирегиональной и межрегиональной миграции: в 2010 г. межрегиональная миграция превышала внутрирегиональную в 1,5 раза, тогда как в 2016 этот разлет достиг двухкратного значения.

Таблица 5. Число выбывших из Краснодарского края (человек)

	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Миграция – всего	57620	130546	143743	164221	150627	157158
в том числе:						
в пределах России	56867	127365	139470	155217	143713	147307
в том числе:						
Внутрирегиональная	31591	59878	69516	70674	66615	66794
Межрегиональная	25276	67487	69954	84543	77098	80513
международная миграция	753	3181	4273	9004	6914	9851
в том числе:						
в страны СНГ	474	1999	2961	6718	5505	8067
в том числе по странам:						
Беларусь	58	75	70	180	357	70
Казахстан	101	189	261	521	1126	1177
Республика Молдова	8	148	134	376	296	362
Украина	241	358	599	1419	1262	2364
Государства Закавказья	36	235	694	2447	1485	2633
Азербайджан	8	25	58	205	137	231
Армения	28	210	636	2242	1348	2402

Государства Средней Азии	30	994	1203	1775	979	1461
Кыргызстан	16	121	78	145	350	320
Таджикистан	2	39	116	219	149	207
Туркменистан	1	22	43	58	45	92
Узбекистан	11	812	966	1353	435	842
в страны дальнего зарубежья	279	1182	1312	2286	1409	1784
Внешняя для края миграция	26029	70668	74227	93547	84012	90364

Как становится видно из таблицы, число выбывших из Краснодарского края людей за текущие шесть лет также существенно возросло: если в 2010 году Краснодарский Край покинуло 56 767 человек, то к 2016 году этот показатель составил уже 147 307 человек, что превышает показатель 2010 года в 2,57 раз. При этом, если в 2010 году 20,1 % покинувших край людей мигрировало за рубеж, то в 2016 этот показатель составил уже 32,6%.

Таблица 6. Миграционный прирост, убыль (–) населения края (человек)

	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Миграция – всего	26746	46338	72508	45800	57736	55705
в том числе:						
в пределах России	21116	33226	58357	32662	41668	42006
в том числе:						
Внутрирегиональная	–	–	–	–	–	–
Межрегиональная	21116	33226	58357	32662	41668	42006
международная миграция	5630	13112	14151	13138	16068	13699
в том числе:						
со странами СНГ	4471	10327	11040	12097	14301	12262
в том числе по странам:						
Беларусь	150	262	418	493	-8	346
Казахстан	1077	1918	1870	1654	1290	1200
Республика Молдова	205	453	547	433	510	437
Украина	862	2342	2487	5698	8454	7116
Государства Закавказья	1029	3084	3522	2937	2472	2039
Азербайджан	116	318	370	316	305	266
Армения	913	2766	3152	2621	2167	1773
Государства Средней Азии	1148	2268	2196	882	1583	1124
Кыргызстан	554	770	604	465	229	277
Таджикистан	129	360	333	193	221	248
Туркменистан	127	184	129	93	135	94
Узбекистан	338	954	1130	131	998	505
со странами дальнего зарубежья	1159	2785	3111	1041	1767	1437
Внешняя для края миграция	26746	46338	72508	45800	57736	55705

По результатам сводной таблицы видно, что миграционный прирост в Краснодарском Крае составил 26 746 человек в 2010, 46 338 в 2012, 72 508 в 2013, 45 800 в 2014, 57 736 в 2015 и 55 705 в 2016 годах соответственно. При росте общего уровня миграционного прироста в 2 раза за период с 2010 по 2016 г., уровень международной миграции вырос более чем в 2,5 раза, что свидетельствует о повышении привлекательности Краснодарского Края для жителей других стран.

Таблица 7. Общие коэффициенты миграционного прироста населения (на 10000 человек населения)

	Все население	в том числе:	
		городское	Сельское
2010	43,8	69,7	14,8
2012	87,3	128,1	40,6
2013	135,1	124,5	90,4
2014	84,4	81,9	34,6
2015	105,3	136,1	68,9
2016	100,5	134,7	59,6

Анализ сравнительных показателей миграционного прироста населения в Краснодарском Крае показал, что за период с 2010 по 2016 уровень прироста на 10 000 человек вырос с 43,8 до 100,5 человек соответственно, что означает увеличение миграционного прироста в 2,27 раз.

Обратимся к демографическим показателям Республики Адыгея.

Таблица 8. Национальный состав населения Республики Адыгея по наиболее многочисленным национальностям (по данным переписей населения; тысяч человек)

	<i>1959</i>	<i>1970</i>	<i>1979</i>	<i>1989</i>	<i>2002</i>	<i>2010</i>
Все население	323,8	385,6	404,9	432,0	447,1	440,0
в том числе:						
Адыгейцы	65,9	81,5	86,4	95,4	108,1	107,0
Русские	235,5	276,5	285,6	293,6	288,3	270,7
Украинцы	9,5	11,2	12,1	13,7	9,1	5,9
Белорусы	1,4	2,1	2,2	2,7	1,9	1,3
Армяне	4,7	5,2	6,4	10,5	15,3	15,6
Татары	1,9	2,1	2,4	2,7	2,9	2,6
Греки	0,5	0,6	1,0	1,6	1,7	1,4
Цыгане	0,8	0,9	1,1	1,1	1,8	2,4
Немцы	0,3	0,8	1,4	1,8	1,2	0,8
Другие национальности, не указанные выше	3,3	4,7	6,3	8,9	15,0	17,7
Лица, не указавшие национальную принадлежность	-	-	-	-	1,8	14,6

За период с 1959 по 2010 население Республики Адыгея выросло с 323 тыс. чел. До 440 тыс. чел., при этом относительная численность русских снизилась с 72,7 % до 61%. При этом количество украинцев сократилось с 2,9% до 1,3%, а количество адыгейцев сохранилось практически неизменным (одна четвертая населения). Существенно возросло число армян: с 1,4% до 3,5%.

Как показывает исследование, распределение миграционных процессов по месяцам сравнительно однородно, вместе с тем, пик межрегиональной миграции приходится на летние месяцы, что во многом связано с наличием в Краснодарском Крае развитой сферы туризма.

Ниже приведены итоговые показатели миграции населения Республики Адыгея.

Таблица 9. Общие итоги миграции населения Республики Адыгея по территориям прибытия и выбытия за 2016 год

Показатели	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
Всего	18492	16167	2325
Россия	16155	15007	1148
Центральный федеральный округ	1138	1203	-65
Белгородская область	31	36	-5
Брянская область	17	12	5
Владимирская область	16	19	-3
Воронежская область	88	69	19
Ивановская область	24	14	10
Калужская область	22	19	3
Костромская область	19	8	11
Курская область	21	29	-8
Липецкая область	25	18	7
Московская область	289	426	-137
Орловская область	15	9	6
Рязанская область	39	23	16
Смоленская область	20	15	5
Тамбовская область	30	17	13
Тверская область	27	25	2
Тульская область	46	38	8
Ярославская область	12	23	-11
г.Москва	397	403	-6
Северо-Западный федеральный округ	651	678	-27
Республика Карелия	19	14	5
Республика Коми	115	56	59
Архангельская область	41	28	13
Ненецкий авт.округ	3	3	0
Архангельская область без Ненецкого АО	38	25	13
Вологодская область	18	12	6
Калининградская область	31	39	-8
Ленинградская область	60	100	-40
Мурманская область	60	58	2
Новгородская область	11	18	-7
Псковская область	17	6	11
г.Санкт-Петербург	279	347	-68
Южный федеральный округ	10677	10816	-139
Республика Адыгея	4154	4154	-
Республика Калмыкия	34	13	21
Республика Крым	58	56	2
Краснодарский край	5787	6037	-250
Астраханская область	51	36	15
Волгоградская область	139	99	40
Ростовская область	419	380	39
г.Севастополь	35	41	-6
Северо-Кавказский федеральный округ	1144	774	370
Республика Дагестан	224	120	104
Республика Ингушетия	16	17	-1
Кабардино-Балкарская Республика	104	103	1

Показатели	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
Карачаево-Черкесская Республика	124	78	46
Республика Северная Осетия- Алания	79	55	24
Чеченская Республика	175	108	67
Ставропольский край	422	293	129
Приволжский федеральный округ	534	379	155
Республика Башкортостан	69	39	30
Республика Марий Эл	9	8	1
Республика Мордовия	5	3	2
Республика Татарстан(Татарстан)	47	44	3
Удмуртская Республика	21	9	12
Чувашская Республика(Чувашия)	5	4	1
Пермский край	57	34	23
Кировская область	22	24	-2
Нижегородская область	45	33	12
Оренбургская область	68	22	46
Пензенская область	8	19	-11
Самарская область	72	66	6
Саратовская область	92	63	29
Ульяновская область	14	11	3
Уральский федеральный округ	638	423	215
Курганская область	32	14	18
Свердловская область	145	71	74
Тюменская область	336	296	40
Ханты-Мансийский автономный округ	182	175	7
Ямало-Ненецкий автономный округ	132	100	32
Тюменская область без авт. Округов	22	21	1
Челябинская область	125	42	83
Сибирский федеральный округ	840	422	418
Республика Алтай	8	8	-
Республика Бурятия	48	20	28
Республика Тыва	1	1	-
Республика Хакасия	15	7	8
Алтайский край	65	39	26
Забайкальский край	51	28	23
Красноярский край	160	108	52
Иркутская область	97	48	49
Кемеровская область	183	58	125
Новосибирская область	59	36	23
Омская область	103	43	60
Томская область	50	26	24
Дальневосточный федеральный округ	533	312	221
Республика Саха (Якутия)	79	55	24
Камчатский край	37	22	15
Приморский край	110	62	48
Хабаровский край	130	62	68
Амурская область	53	27	26
Магаданская область	29	21	8
Сахалинская область	64	29	35
Еврейская автономная область	17	15	2
Чукотский авт.округ	14	19	-5
Международная миграция	2337	1160	1177

Показатели	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
Миграция со странами СНГ	1902	822	1080
Азербайджан	109	68	41
Армения	366	269	97
Беларусь	17	16	1
Казахстан	151	77	74
Киргизия	67	18	49
Молдова, республика	66	28	38
Таджикистан	86	46	40
Туркмения	27	19	8
Узбекистан	140	88	52
Украина	873	193	680
Миграция с другими странами	435	338	97
Абхазия	39	23	16
Австралия	-	1	-1
Афганистан	3	2	1
Великобритания	1	1	-
Германия	26	25	1
Греция	9	19	-10
Грузия	61	59	2
Израиль	4	1	3
Индия	1	2	-1
Иордания	12	4	8
Канада	1	-	1
Китай	-	2	-2
Латвия	4	3	1
Ливан	-	1	-1
Литва	1	-	1
Сербия	2	1	1
Сирия	185	117	68
США	5	9	-4
Турция	36	48	-12
Франция	-	1	-1
Швеция	-	1	-1
Эстония	2	-	2
Прочие	43	18	25

Данные по миграции населения республики Адыгея со странами СНГ и Балтии свидетельствуют о том, что наибольший миграционный прирост отмечается со стороны Украины, при этом за период с 2015 по 2016 отмечается общее возрастание миграционного прироста по всем этническим позициям.

Как показывают результаты исследования, уровень демографических процессов в Краснодарском Крае и Республике Адыгея неуклонно возрастает. Это во многом связано с тем, что Краснодарский Край обладает привлекательными характери-

ками по ряду критериев, среди которых наиболее значимыми являются:

- уровень экономического развития;
- доступность трудоустройства;
- благоприятный климат;
- привлекательная социокультурная ситуация.

Несмотря на то, что уровень миграции неуклонно растет, что само по себе является существенным конфликтогенным фактором, высокий уровень богатства региона определяет реализацию мягких конфликтных сценариев, связанных с миграцией.

Вопросы для углубленного осмысления исследуемой проблематики:

1. Какой из перечисленных особенностей демографических процессов в наибольшей степени обладает конфликтогенным потенциалом?

2. Назовите положительные и отрицательные последствия интенсификации миграционных процессов для отдельно взятого региона.

3. Каков прогноз развития миграционных процессов на территории Краснодарского края?

3. Этнокультурная специфика идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп на территории Краснодарского края и Республики Адыгея

Адыгский этнос характеризуется высоким уровнем взаимодействия с представителями других этнических групп Краснодарского Края. Отчасти это связано с тем, что адыги являются коренным населением Краснодарского Края и республики Адыгея. Длительная история проживания, социальных контактов с представителями титульной нации и других этносов определяет высокую социальную активность адыгов и одновременно – предрасположенность к конструктивному диалогу. Здесь имеет место достаточно специфичный момент территориального деления: Республика Адыгея находится внутри Краснодарского Края, при этом ряд социальных процессов реализуется на стыке обозначенных территориальных единиц. В частности, нередкой является ситуация, когда люди, проживающие на территории Республики Адыгея, трудоустроены на территории Краснодарского Края и наоборот. Приведем примеры высказываний, участвовавших в опросе представителей указанной этнической группы.

«Это разделение (между Россией и Адыгеей), практически, условно. Мы жили в одном регионе в свое время. Я родился в Советском союзе, и была Адыгейская автономная область. Мы никогда не ощущали никаких границ. Мы не делим сегодня: Адыгея, Краснодар. Юридически это разные два субъекта, но мы этого не ощущаем, потому что изначально многие населенные пункты так задумывались, что они находились территориально в Адыгее, а работа находилась в Краснодаре».

«Так получается, потому что Адыгея получается внутри Краснодарского края. 10 километров – Краснодар заканчивается, Адыгея, потом 10 километров – снова Краснодарский край. Поэтому и адыгейцы работают в Краснодаре, и Краснодарские работают в Адыгее. Здесь совместное взаимодействие. Разделить практически невозможно эти два понятия – Адыгея и Краснодарский край».

«Юридически я проживаю в Краснодаре, семья моя вся зарегистрирована в Краснодаре. Но у меня есть дом в Яблоновке, я живу там, не прописываюсь там, потому что бывают такие социальные моменты – то же медицинское обслуживание, образование, социальные льготы. Для меня в Краснодаре проще все эти моменты решать. Поэтому я не прописываюсь сам в Адыгее и семья моя. Работаю я здесь в Краснодаре, но живу в Яблоновке, в Адыгее».

Несмотря на то, что представители адыгского этноса активно взаимодействуют с окружающей социальной средой, в целом можно судить о сохранении внутренней этнической идентичности.

Таким образом, адыгский этнос прочно интегрирован в социальную и культурную жизнь Краснодарского Края.

Отдельного внимания заслуживает идентификационная стратегия адыгского этноса. Идентификационные стратегии адыгов в основном обладают устойчивым сильным характером. Речь идет о сохранении ментальности адыгским обществом на фоне реализации интегративных стратегий в социальной, политической и экономической сфере. Мы выделили несколько характеризующих особенности самоидентичности высказываний.

«Адыги – это такой уживчивый народ. У них есть опыт, как уживаться. И многие из тех, кто вернулись, сразу же включились в процесс, работают. Большинство адаптируются достаточно быстро: год-полтора. Из тех, кого я знаю, процентов 80 чем-то заняты. Профессии разные: есть профессора, строители. Они знают английский, арабский изучают в институте в Краснодаре. Вот в Израиле живут люди, которые до сих пор не знают иврит, поэтому это процесс сложный».

Значение имеет единство менталитета и языка.

«Чтобы иметь общность какую-то, нужно иметь общий менталитет. В Турции есть адыги, которые не знают русского языка, культуры, но знают, что он адыг. С Республики приглашаются преподаватели языков, танцев, они приезжают туда и работают. Есть побратимы регионы, они общаются на государственном уровне. Они существуют 20 лет, а более интенсивно – последние 5–7 лет. Это я говорю то, что видел в Турции, что видел здесь, в диаспорах. У них свои классы, все есть. Советская власть была до 90х, там очень жестко было».

На вопрос, «Если говорить про адыгское население на территории Адыгеи, они между собой различаются по образу жизни, по культуре, по языку?» был получен следующий ответ: «есть различия в диалектах, но культура одна, что объединяет в один народ. Все это одинаково. Даже тех, кто живет в Кабардинке, Карачаево-Черкесии. Есть диаспора в Иордании, в Турции. Я неоднократно был там. Вот их можно назвать диаспорой. И то выступает непопулярный сегодня в нашей стране президент Эрдоган и сказал, что черкесы строили турецкое государство вместе со всеми народами, и они являются полноправными гражданами нашей страны. Если они, уехав туда 150 лет назад, стали полноправными гражданами Турции, то живя здесь тысячелетиями, мы тоже не будем делить себя на диаспоры внутри Краснодарского края. Сейчас в Адыгее 103 тысячи адыгов».

Специфика идентификационных стратегий проявляется в сохранении культурных связей этнического характера.

«Большинство, кто живет в Адыгее, они из каких-то аулов все равно. Поддерживают родственные связи и соотносят себя с тем аулом, откуда они вышли. Из Адыгеи, где их родители жили, в каких аулах, общаются, свадьбы там, родственники. Вся Адыгея – большая семья. Приезжают на свадьбу хоть в Краснодар».

«Если он настоящий адыг, куда бы он ни поехал, он у себя и останется. Если поехать в Дагестан или Чечню, я никогда не стану чеченцем или дагестанцем. Точно так же другие регионы. Что привили своим детям, то они и будут передавать. Традиции и обычаи, свой язык. Настоящий адыг должен знать свой язык, он должен читать, писать, чтить все, что знали его предки. Народ умрет, если это не будет передаваться. В 2011 году в Доминикане я встретил адыга. Откуда? Но они разговаривают на адыгском языке чисто. Они там родились, семья адыгская. Обычаи, традиции, – все сохраняется. Я у них гостил, по путевке поехал отдыхать. Менталитет местный там на улице соблюдается, а внутри дома они соблюдают все традиции и обычаи, которые есть. В Доминикане. Поэтому говорить о Краснодарском крае или о России – это даже не актуально. Что они могут поменяться. Почему по обычаям принято хоронить в 12 часов дня? Чтобы дожидаться. Если на Дальнем Востоке находится сын или близкий

родственник, он пока не прилетит, не похоронят. Это обычай, который никуда не денется. Иначе они потерялись бы уже давно».

Для адыгов очень важно придерживаться культурно и исторически заложенного кодекса чести.

«Кодекс Хабзэ включает в себя полностью жизнь человека. Как он должен себя вести в семье, с женой, на работе. Это Конституция. В 2002 году я был в Хадже, летели мы через Иорданию. Есть там очень сильная адыгская диаспора, они являются хранителями покоев короля, его личными телохранителями. Я это все знал. Когда мы приехали в гостиницу, нас разместили, была группа человек 30 из Краснодарского края. Мы разговаривали в холле, и кто-то слышал адыгскую речь. И передали хозяину отеля, этнический адыг, который переселился отсюда, предки которого переселились отсюда во время Кавказской войны. Он сказал своим служащим: соберите их вечером в холле. Вечером мы собираемся, с нами были и дагестанцы, узбеки, русские. Мы жили 4 дня в гостинице. Днем они возили нас в ресторан в городе, вечером собирали в ресторане при гостинице. И нас спрашивают узбеки и дагестанцы, которые были с нами: а вы их знаете? Нет, первый раз вижу. А почему они нас так встречают? Есть гость. Они живут в Иордании, и такие же адыги, такой же менталитет. Именно этот Кодекс Хабзэ и сохранил этих людей там, не стали они арабами. У арабов нет таких обычаев, чтобы так встречать, 30 человек».

Межкультурные различия локальных этносов также представляют актуальное поле для адыгской этнической группы:

«У нас разница между джидугами и шапсугами небольшая. Например, с кабардинцами или черкесами другой диалект. Их мы тоже понимаем. Но шапсуги и джидуги – их мы на 90% понимаем, а кабардинцев на 60%, если они быстро говорят. Если медленно, тогда все понимаем. А так, если взять кабардинца, который в Адыгее живет и в Кабардино-Балкарии, у них один язык».

«Различие между шапсугами и другими племенами сохраняется и в Иордании. Я Вам один пример расскажу. В столице Иордании, Аммане, две центральные улицы. Одна носит название «Шапсугская-стрит», вторая улица Мухаджиров – там живут кабардинцы. В свое время, когда адыги туда переселялись, было становление иорданского государства, тогда Иордании не было, оно входило в состав Османской империи, называемой Халифат.

Адыги стояли у истоков основания иорданского государства. Сегодня у них есть бронь в парламенте именно как у нации, и личная охрана короля. Я встречался с руководителем адыгской диаспоры, он был министром МВД Иордании, сейчас он является сенатором. Там двухуровневая палата, первая – люди, которые избираются, вторая – люди, выбираемые королем. Он входит в число доверенных лиц короля. Поэтому с ним общаешься, как с человеком, который находится где-то в соседнем ауле, а не в королевстве».

При этом, респонденты неоднократно проговаривали аспект поддержания языковой идентичности:

«Переселенцы, которые тогда переселились, они больше сохранили адыгский язык. Мы уже больше русских слов включаем в разговорную речь, потому что надо постоянно думать. А где больше проживает русских, мы разговариваем на русском языке. Мы уважаем себя, уважаем и его. Дети, которые рождаются в Краснодаре, если ими вплотную не занимаются родители, они больше понимают русский язык. Приезжают к бабушке и дедушке в Адыгею, здесь разговаривают на русском языке».

Подводя промежуточный итог, стоит отметить, что реализация стратегии национальной идентичности адыгским этносом не встречает существенных противоречий на территории Краснодарского края и Республики Адыгея.

Для **армян** характерным является высокий уровень этнической самоидентификации, сочетающийся с активной социальной включенностью. Речь идет, с одной стороны, о хорошем знании русского языка и культуры в целом, умении взаимодействовать с представителями иноэтнических групп, активном участии в социальной, культурной, экономической жизни края. С другой стороны, армянам свойственен чрезвычайно высокий уровень этнического самосознания, а также момент ориентации на конструктивное взаимодействие внутри этнической группы. В совокупности это свидетельствует о высоком уровне интегрированности армянского этноса в социокультурную среду Краснодарского Края.

Что касается характера реализации идентификационной стратегии армянского этноса, следует отметить высокий уровень приверженности идеям сохранения этнических традиций и цен-

ностей, наличие гордости за свой народ, стремление к сохранению этнокультурного единства. Вместе с тем, все эти моменты реализуются вне агрессивной модели отграничения от окружающей социокультурной среды. Армяне очень активно включены в социальную жизнь региона, склонны к приобретению образования, развитию в уже сложившейся социальной среде. Принятие норм поведения, определяющих взаимодействие в регионе, сочетающееся с активным этническим самосознанием представляют собой благодатную почву для развития конструктивных процессов интегративного характера.

Для *греческой диаспоры* характерной является высокая степень ассимиляции, сочетающейся с ориентацией на бесконфликтное, конструктивное межэтническое взаимодействие. По словам одного из респондентов: «У нашей молодежи ни с кем нет конфликтов, с другими общинами. Когда-то, 2008 год, пытались качать права дагестанцы. Но их быстро успокоили. Мы в силу своего опыта объяснили. Наша молодежь настолько толерантна». В данном случае реализуется момент деактуализации этнических различий, сочетающийся с предрасположенностью к конструктивному социальному диалогу. Готовность к перенятию на уровне характера внешней социальной активности ценностно-поведенческих моделей принимающего региона, социальная гибкость представителей греческой диаспоры сочетается с установкой на взаимопомощь внутри этнической среды, а также сохранение интереса к исходным культурным традициям.

Что касается *чеченского этноса*, следует обратить внимание на высокий уровень обособленности представителей данной этнической группы. С одной стороны, речь идет о высоком уровне сплоченности представителей чеченского народа, с другой – о повышенной актуализации этнических различий на фоне осознания собственной культурной идентичности. Все это позволяет судить о существенной мере социокультурной обособленности чеченцев. Следует отметить, что в последние годы намечается тенденция постепенного снижения актуальности культурно-коммуни-кативного барьера между представителями чеченского этноса и другими народностями Краснодарского Края. Не последнюю роль в этом процессе играет активная национальная политика, реализуемая в вузах и направленная на актуализацию

этнической идентичности в русле конструктивного социального диалога. Вместе с тем, данная тенденция затрагивает, в первую очередь, активно развивающихся представителей молодежи, имеющих возможности к получению высшего образования. В целом же следует отметить достаточно высокий уровень замкнутости, групповой обособленности представителей чеченского этноса. В частности, это проявляется в тенденции разрешения внутренних конфликтов без привлечения представителей официальной власти (полиция, судебная система), что свидетельствует о приоритете этнического момента над гражданским. Что касается реализуемых идентификационных стратегий, следует обратить внимание на неоднозначность ситуации: с одной стороны, многие представители чеченского этноса несут в себе память о военных конфликтах, сопровождавшихся ростом межэтнической напряженности и религиозной нетерпимости, в связи с чем сложно судить о полном изжитии деструктивной модели «свои – чужие». В частности, отмечается значительно большая предрасположенность к конструктивному диалогу между представителями чеченского этноса и другими малыми этническими группами, нежели в отношении титульной нации. С другой стороны, имеют место и конструктивные процессы налаживания взаимодействия, что проявляется, в частности, в среде молодежи. Снижение общего градуса межэтнической напряженности в Чечне в данном отношении также имеет немаловажное значение. В целом, можно судить о существенных сложностях в формировании конструктивной социокультурной включенности чеченцев, которая, однако, в последние годы приобретает положительную динамику.

В случае с *дагестанцами* отмечается сходная ситуация: на фоне высокого уровня внутренней самоидентификации отмечается существенная степень внешней обособленности представителей дагестанского этноса. При этом знание культуры и норм общества сочетается с высокой степенью приверженности принятой внутри этнической группы системе ценностей и норм поведения. Одновременно с этим момент обособленности проявляется в реализации коммуникационных стратегий, выборе социального окружения из среды представителей собственного этноса.

Курдская этническая группа характеризуется малой численностью, и одновременно – чрезвычайно высоким уровнем

сплоченности. Как отмечает один из респондентов по поводу представленности курдских общественных организаций в крае, «Да, они все в этой общине, в обществе. Даже, наверно, правильной будет сказать в курдском обществе. Все ассоциируют себя с курдским обществом». Другой участник опроса добавил: «Наверное, мы не знаем на сколько сплоченные чеченцы, дагестанцы потому, что у нас нет такой возможности. Да, сталкиваться, эти качества действительно познаются в сравнении, но нас мало, и мы довольно сплоченные». «Потому что мы все, с СССР расселились в основном в России, с русскоязычными большинство. Мы вот относимся туда, мы такие люди. Россия, мы любим Россию, уважаем русский народ, это наша Родина в данное время». «Здесь довольно сплоченно почему? Потому что здесь сильные родственные связи, вот допустим, село Преображенское из 850 жителей 500, наверно, мои родственники. Вот, если считать этническую часть, и считать родственную часть, у допустим через 4 поколения одна бабушка». Здесь имеет место ситуация, когда высокий уровень сплоченности этнической группы наблюдается не только на фоне ее обособленности, но и в условиях активной интеграции представителей курдского этноса в социальную жизнь Краснодарского Края.

Оценивая идентификационные стратегии курдского этноса следует отметить высокий уровень приоритетности интересов представителей этнической группы. Отношение к представителям других этносоциальных общностей, в целом, нейтральное, однако стремление к организации эффективного социального процесса выливается в две противоречивых тенденции – активного включения отдельных представителей курдского этноса в социальную жизнь и одновременно – формирования мест компактного проживания курдов, в которых для них реализуется комфортная, но в достаточной степени замкнутая социальная среда. Последний вариант представляет собой пример целенаправленного обособления.

Украинцы представляют собой этническую группу, имеющую высокий потенциал социального взаимодействия, что связано с близостью украинского этноса по ряду культурных показателей характеристиками «титульной нации». Представители украинского этноса обладают чрезвычайно высоким уровнем включенности в социальную жизнь региона, однако статус включенно-

сти определить достаточно проблематично, что связано с расхождением в социальной позиции представителей украинского этноса. С одной стороны, налицо явная тенденция к ассимиляции, реализуемой как на культурном уровне, так и на уровне процессов формирования семейных групп с представителями других этносов. С другой стороны, некоторые представители украинского этноса реализуют модель оппозиционного самоопределения, ориентированного на актуализацию национальной идентичности через конфликт, противопоставление русского и украинского этносов. Это позволяет судить о неоднозначности и, одновременно, неоднородности социальных позиций украинцев.

Татары, как и адыги, активно участвуют в социальной и культурной жизни региона, сохраняя, при этом, культурные основания этнической самоидентификации. Общая направленность татарского этноса состоит в формировании активной социальной включенности, что, в конечном итоге, определяет возможность умеренной ассимиляции. Ее реализация происходит как через интенсивное включение в различные социальные и культурные сферы региона, так и через возникновение межэтнических браков. При этом общая социальная направленность татар связана, преимущественно, с конструктивной ориентацией на включение в социальную жизнь региона и стремление избежания конфликтов на почве этносоциальных различий. Приведем пример высказывания: «Татары толерантные, понимаете. И с самого начала и тогда, когда этот раздрай пошел. Бог дал хорошего руководителя в Татарстан. Я была на 2 Конгрессе татар. Всемирном Конгрессе татар в Казани. И там поднимали вопрос: «Вот татарский язык государственный». А Шаймиев сказал, два языка татарский и русский, но татарам не мешало бы знать еще и английский. Но это был его ответ на его эти всякие. По ночам стояли гостиницы под окном орали. Что только не было – все это я видела. И сказать о том, что... Буквально на днях показывали Казань, что открылась там ... Высшее духовенство мусульманское. И там будут обучаться мусульмане нашей России. Не будут ездить в Аравию и там учиться». Таким образом, представители татарского этноса характеризуются открытостью для внешней коммуникации.

На уровне *узбекской и таджикской* групп отмечается высокий уровень ориентированности на трудовую деятельность,

стремление интеграции в социальную среду Краснодарского Края и общая положительная оценка социальной обстановки региона. В совокупности это определяет высокий уровень миграции, сопровождающейся последующими этапами адаптации. С учетом того, что процесс миграции обозначенных этносов на территорию Краснодарского Края начался сравнительно недавно (эксперты отмечают чрезвычайно малое количество представителей узбекского и таджикского этносов еще 20 лет назад), можно судить об активном процессе адаптации, сочетающемся с разрешением технических проблем регистрации и трудоустройства. Поскольку большинство представителей узбекского и таджикского этносов пребывают на территории Краснодарского Края сравнительно недолго, проблематично судить о наличии их социальной и культурной включенности – процесс организации конструктивного взаимодействия осложняется необходимостью разрешения административных проблем, трудностями с трудоустройством и, в целом, высоким уровнем рисков в трудовой деятельности, а также наличием языковых проблем. Вместе с тем, можно судить о том, что процесс интеграции данных этнических групп находится в стадии становления, что позволяет прогнозировать переход от обособленного существования однородных в этническом плане социальных групп к активной интеграции в социальную и культурную жизнь региона.

Что касается идентификационных стратегий представителей данного этноса, следует различать оседлое население и трудовых мигрантов. Если первые характеризуются стремлением к включению в социальную жизнь региона, что характеризует их открытость для конструктивного диалога, то вторые не обладают возможностями для реализации конструктивного диалога в условиях наличия языковых проблем, сложностей культурного характера и неустойчивостью социального положения, не способствующей активной внешней коммуникации. В этом отношении «приезжие» таджики и узбеки стремятся, в первую очередь, общаться с представителями собственного этноса, в то время как отношения с коренными жителями региона зачастую складываются сложные в силу постоянного столкновения мигрантов с проблемами административного характера и социальной незащищенностью труда.

Вопросы для углубленного осмысления исследуемой проблематики:

1. Чем отличаются этнически маркированные идентификационные стратегии от немаркированных? Приведите примеры.
2. Можете ли вы на примере какого либо этноса проследить эволюционное изменение характера идентификационных стратегий?
3. Существует ли возможность правового регулирования идентификационных стратегий диаспор и земляческих групп? Как в этом смысле соотносится теория с практикой?

4. Конфликтологическая модель реализации идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп на территории Краснодарского края и Республики Адыгея

Любая относительно сплоченная этническая группа, будь то диаспора или землячество¹ обладает комплексом идентификационных стратегий, проявление которых может иметь положительный, нейтральный и отрицательный потенциал реализации. Отечественные исследователи Е.А. Михайлова и В.В. Локосов предлагают следующую базовую модель анализа успешности процесса интеграции представителей этнических групп в принимающий социум. Базовая модель анализа успешности процесса интеграции представителей этнических групп в принимающий социум представляет собой набор показателей и индикаторов, отражающие ключевые факторы, определяющие успешность интеграции представителей отдельных этнических групп в инокультурную среду.

Восприятие представителями этнических групп особенностей внешней среды и положения этнической группы в социальной структуре является определяющим в процессе адаптации в социум и преодоления межкультурной дистанции между представителями группы и доминирующими по составу этническими группами принимающего сообщества. Показатели положения этнической группы как правило включают в себя ряд индикаторов, каждому из которых предусмотрено присвоение соответствующего значения для каждой из групп (в соответствии с оценочными суждениями, высказанными респондентами в ходе проведения фокус-групповых интервью). Возможно расширение (корректировка) перечня разработанных показателей и индикаторов в ходе проведения анализа полученных данных.

Для каждого из индикаторов обычно применяются балльные шкалы оценок. Адекватность использования каждого из видов шкал оценивается в ходе анализа положения одной из этнических групп как пилотной модели анализа.

¹ Основное отличие диаспоры от земляческой группы состоит в формальной гражданской принадлежности/отсутствии принадлежности к внешнему государству.

Для каждого из включенных в систему индикаторов как правило указывается соответствующая шкала оценок (в зависимости от содержания полученных ответов респондентов). Присвоение кодов, соответствующих степени выраженности каждого из признаков, осуществляется в соответствии с частотой и степенью эмоциональной окрашенности высказываний респондентов.

По результатам анализа этнических карт осуществляется выявление степени устойчивости базовых признаков группы к условиям внешней среды и характеристикам принимающего сообщества, а также устойчивости связей между разными показателями / индикаторами.

В качестве основания анализа Е.А. Михайлова и В.В. Локосов предлагают следующую блок-схему.

1. ОБЪЕМ ГРУППЫ

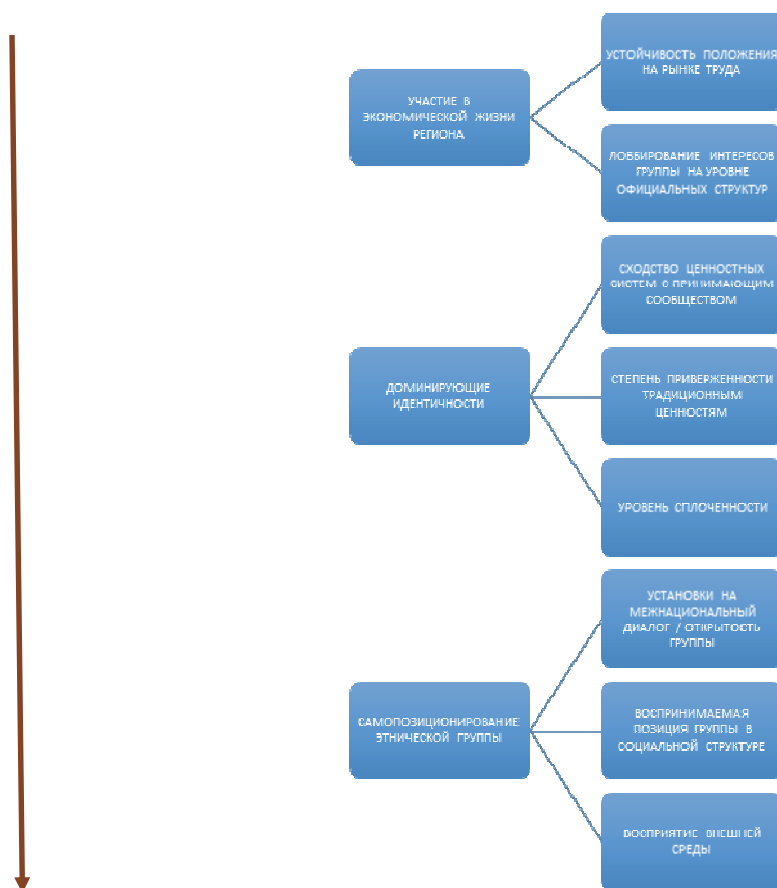


Рисунок 1. Сводные показатели положения этнической диаспоры / землячества

2. КАЧЕСТВО ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

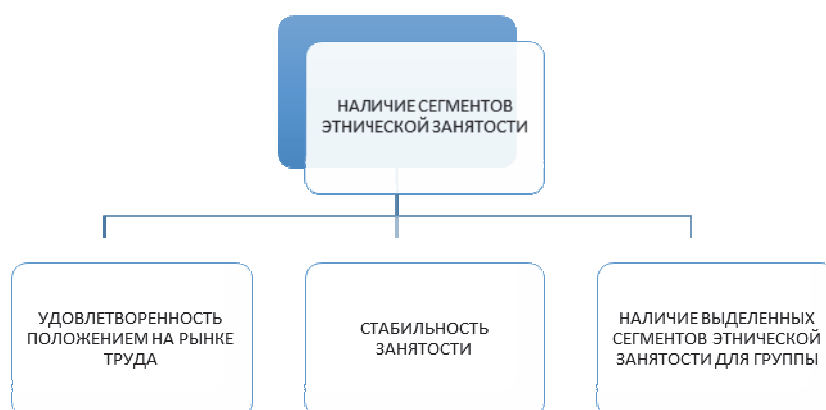


Рисунок 2. Индикаторы показателя «Наличие сегментов этнической занятости»

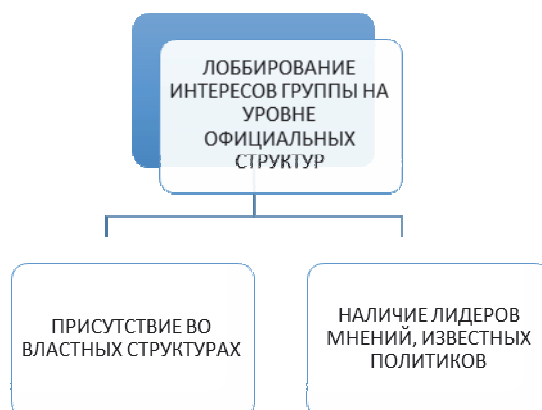


Рисунок 3. Индикаторы показателя «Приверженность традиционным ценностям»

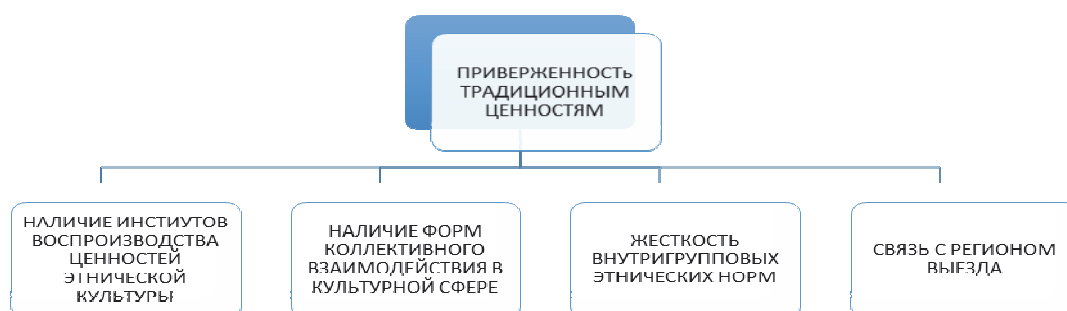


Рисунок 4. Индикаторы показателя «Уровень сплоченности»

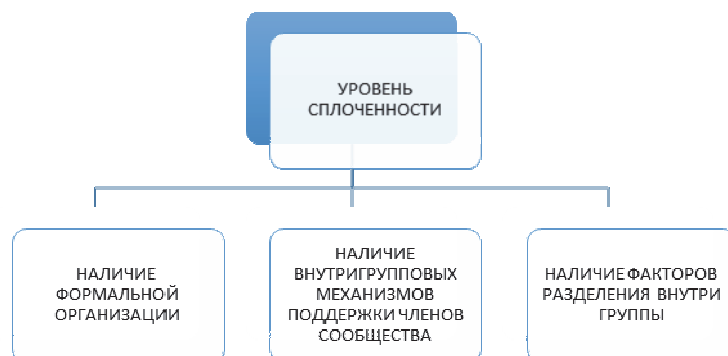


Рисунок 5. Индикаторы показателя «Открытость группы»

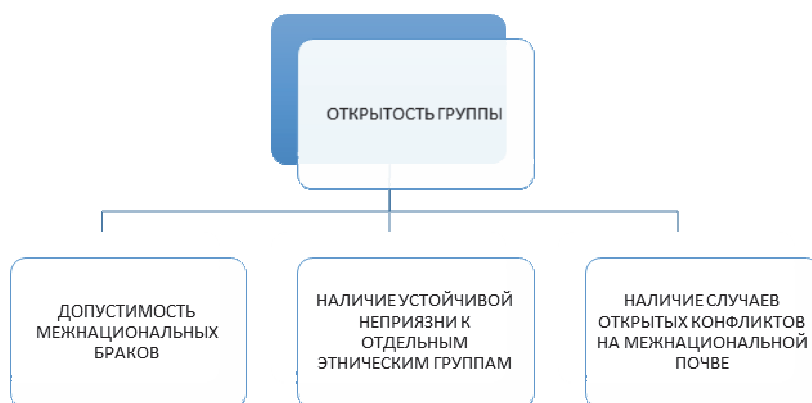


Рисунок 6. Индикаторы показателя «Воспринимаемая позиция группы в социальной структуре»

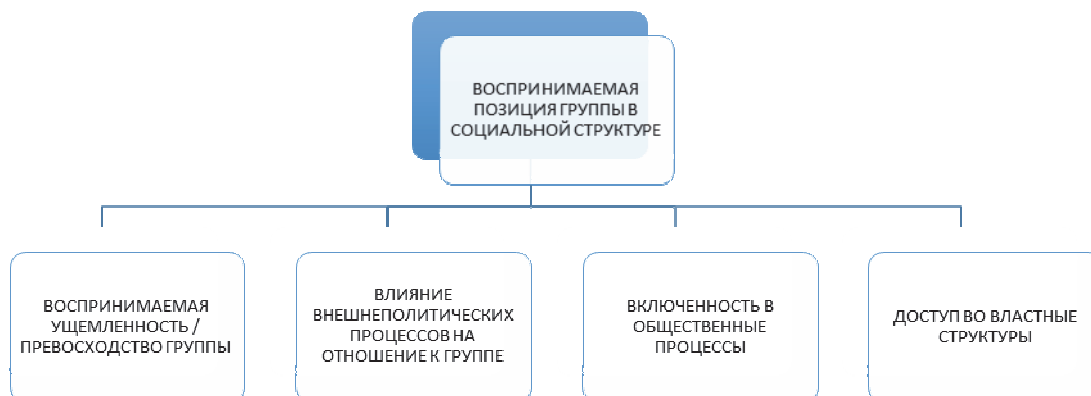


Рисунок 7. Индикаторы показателя «Восприятие характеристик внешней среды»



Рисунок 8. Показатели, характеризующие КАЧЕСТВО ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

3. ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

КАЧЕСТВО ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ	УРОВЕНЬ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РЕГИОНЕ
	ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ/МОНОЭТНИЧНОСТЬ ПРИНИМАЮЩЕГО СОЦИУМА
	ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ

Результаты проведенного исследования идентификационных стратегий диаспор и земляческих групп можно формализовывать двумя способами: кратко (схематически) и развернуто (в виде аналитического отчета). Мы приведем оба способа, что позволит на уровне практического рассмотрения конкретной ситуации выявить конкретные рискогенные факторы для государства.

Сокращенный вариант хорошо виден на примере аналитической схемы по Ямало-Ненецкому автономному округу (Е.А. Михайлова и В.В. Локосов). Рассмотрим подробнее.

1.1.1. Азербайджанская диаспора

Самоидентификация

- На уровне анализа восприятия характеристик принимающей среды не выявлено ощутимых различий по сравнению со страной выезда.

- Регион проживания/пребывания не оказывает влияния на восприятие других представителей этнической группы.

- Группа является открытой по отношению к другим этническим сообществам. Наблюдается активное взаимопроникновение культур и интеграция азербайджанцев в принимающий социум.

- В молодежной среде факторы негативного восприятия не воспроизводятся, происходит активное освоение российских (русских) норм и ценностей. Если представители старшего поколения ощущают ментальную связь с исторической родиной, у молодежи происходящее в Азербайджане не вызывает особого интереса.

- Условия для воспроизводства элементов азербайджанской культуры, освоения языка отсутствуют – у группы выражены ожидания, что региональные органы власти будут оказывать содействие в создании соответствующей инфраструктуры.

Система организации

- Община воспринимается как субъект, выполняющий функции группообразования на неформальном уровне (в совете – 11 человек, членства не фиксируется).

- Для диаспоры характерно отсутствие иерархии.

- Азербайджанцы в регионе характеризуются высоким уровнем сплоченности и дружескими связями, что обуславливает сохранение этнических традиций и высокий уровень взаимовыручки.

Сферы занятости

- Основные сферы занятости- торговля (продукты питания), сфера общественного питания (кафе, рестораны), строительная сфера.

- Выход на международный уровень (как экономические, так и культурные связи) находится вне зоны интересов / за рамками системы целеполагания представителей этнической группы. Активность других групп в этом направлении воспринимается скептически.

- Инвестиции в экономику не осуществляются – свободные средства направляются на оказание материальной помощи проживающим в Азербайджане родственникам.

Общественно-политическая деятельность

- Участие в общественной жизни выражено в реализации программ помощи жителям ЯНАО (ветераны, детские дома): проект «Забота».

- Декларируется дистанцирование от политических процессов (при ожидании получения поддержки президента. Стремления к занятию позиций в органах власти отсутствует.

- Группа характеризуется лояльным отношением к органам власти региона и правоохранительным органам (при наличии отдельных проблем, связанных с фактами отсутствия регистрации).

- Как актуальная воспринимается тема обострения отношений между государствами (что обуславливает индивидуальные риски).

Факторы риска

- Наиболее негативно воспринимается деятельность ОМОН – опыт прошлых лет свидетельствует о возможности применения санкций и необоснованных спонтанных проверок всех представителей этнической группы (азербайджанской диаспоры) в случае возникновения проблемных ситуаций с одним из представителей этнической группы). Данный фактор способствует усилению степени консолидации группы.

- На уровне межэтнических связей наиболее выражено негативное восприятие в отношении к армянам (как этнической группе в целом), что обуславливает риски возникновения конфликтов с представителями группы на бытовом уровне в регионе.

- Как наиболее проблемная воспринимается тема Нагорного Карабаха.

1.1.2. Выходцы из Дагестанцы

Самоидентификация

- Как и в целом для проживающих в Дагестане, для приехавших из этой республики в регион характерна четкая идентификация с родными этническими группами (в ЯНАО доминируют кумыки). В основе разделения – языковые различия.

- На уровне самоидентификации наблюдается четкое дистанцирование от представителей принимающего сообщества на базе территориальной идентичности (деление на «своих» и «чужих»)

служит фактором сплочения выходцев из Дагестана). Влияние принимающей среды на подрастающее поколение отрицается.

- Среди молодежи воспроизводится дагестанская идентичность, что выделяет соответствующие группы в молодежной среде посредством противопоставления себя большинству.

- Негативное отношение к другим этническим группам обосновывается отсутствием воспитания, однако такая модель поведения не вызывает осуждения.

- Этнические группы выходцев из Дагестана являются условно открытыми – если этнические браки мужчин допускаются (но не приветствуются), то для девушек на неформальном уровне такие отношения запрещаются.

- Не удовлетворен запрос на получение информации на родных языках, получение актуальных новостей о жизни в Дагестане (при пассивном отношении к новостям из Дагестана).

- Реализация совместного проекта ЯНАО и Дагестана не присваивается как связанная с повседневной жизнью.

- Ожидаемо открытие культурного центра, организация этнических праздников.

Система организации

- Сообщество формализована и имеет разветвленную структуру.

- Финансирование организации осуществляется посредством добровольных пожертвований членов.

- Материальную и другие виды помощи (в частности – в трудоустройстве) организации оказывают другие известные представители группы – спортсмены, бизнесмены, представители силовых структур и политики.

Сферы занятости

- Стимулом для трудовой миграции из Дагестана выступает низкий уровень доходов и отсутствие сбережений.

- Основные сферы занятости в ЯМАО – охранный бизнес, строительные, транспортные услуги.

- Выполнение низкоквалифицированных работ (часто – как вынужденная стратегия) противоречит чувству гордости и базовым установкам представителей данных этнических групп, что формирует барьеры для интеграции в общество (в связи с нали-

чием большого разрыва между желаемым и достигнутым социальными статусами, психологическим восприятием текущей ситуации как временной).

Общественно-политическая деятельность

- Наблюдается высокий уровень поддержки дагестанского землячества влиятельными представителями этнической группы, что позволяет им чувствовать себя более уверенно, чем прибывшим из других стран СНГ и регионов.

Факторы риска

- Выражено стремление дагестанцев к усилению позиций во властных структурах региона. При этом в качестве конкурентов в вопросах получения доступа к власти воспринимается этническая группа татар (как занимающие устойчивые позиции в различных сферах жизни региона).

1.1.3. Украинская диаспора

Самоидентификация

- Для украинцев характерен высокий уровень самоидентификации с русским народом.

- Традиции, обычаи и ценности, доминирующие среди принимающего общества, воспринимаются как привычные, что обеспечивает успешную интеграцию украинцев с социум.

- Большинство украинцев не ощущают присутствия представителей своей этнической группы в регионе, что обуславливает восприятие своего положения как более уязвимого по сравнению с другими этническими группами.

- Воспроизводство украинской культуры вследствие ухудшения отношений между Россией и Украиной затруднено – финансирование воскресных школ, в которых осуществлялось изучение языка и культуры, прекращено.

- Межнациональные браки не приветствуются. Межконфессиональные браки воспринимаются негативно, так как предполагают принятие женщинами ислама (в то время как обратная ситуация считается невозможной).

- Результатом социализации молодежи становится ориентация на самореализацию в Российской Федерации (в то время как

среди представителей старших возрастных доминируют возвратные намерения).

Система организации

- Численность украинцев в регионе остается стабильной, что обеспечивается за счет маятниковой и возвратной миграции. Однако на фоне увеличения численности приезжих из Средней Азии украинцы чувствуют себя менее уверенно.

- Формально существующая украинская диаспора имеет крайне слабый мобилизационный потенциал.

- Фактором разобщенности украинцы считают высокую численность представителей этнической группы.

- Такой точкой служит церковь. При меньшей численности создать общину большая вероятность. Не отделяются от русских, чувствуют себя как бы на исторической родине. К украинцам отношения не поменялось. Иногда беженцы ведут себя не как беженцы, нагло.

- Взаимовыручка и поддержка развиты на уровне малых групп, однако в этнической группе в целом (в отличие от других групп) оказание поддержки членам диаспоры не принято.

- Факторами консолидации группы выступают внешние глобальные вызовы (в то время как в случае возникновения индивидуальных проблем оказание содействия другими представителями этнической группы не осуществляется).

- Украинский культурно-деловой центр в регионе воспринимается как формальный и фактически не несущий реальной функциональной нагрузки (не влияющий на положение украинцев в регионе).

Общественно-политическая деятельность

- Украинские политики не афишируют свою принадлежность в группе и не оказывают влияния на положение украинцев в регионе.

Сферы занятости

Восприятие ситуации как ограничивающий доступ для выхода на региональный рынок в ряде сфер, в которых прочно заняли свои ниши представители других этнических групп.

Факторы риска

- Наблюдается зарождающееся неприятие представителей среднеазиатских регионов не только как конкурентов на рынке труда, но и как инокультурных, не всегда соблюдающих обычаи и традиции, присущие славянским культурам, субъектов.
- Высокий уровень конфликтности (в качестве конфликтных воспринимаются группы чеченцев, нагайцев).
- Высокая чувствительность к неравенству возможностей в ряде сфер оказывает влияние на эффективность процесса интеграции в социум.

1.2. Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО)

1.2.1. Азербайджанская диаспора

Самоидентификация

- Диаспора выполняет воспитательные функции.
- Высокая степень религиозной идентичности и влияние религии на деление на группы (шииты, сунниты).
- Институт религии (мечеть) выполняет воспитательные функции.
- В отличие от проживающих на Северном Кавказе, наблюдается отход от традиционных ценностей (европеизация представителей группы).
- Межнациональные браки не приветствуются (допустимость только для мужчин) – семья рассматривается как важный институт воспроизводства традиционных ценностей азербайджанской культуры.
- Воскресная школа как институт воспроизводства традиционных ценностей была закрыта.

Система организации

- Единственная национально-культурная организация в городе, имеющая формальный статус, – Национальная автономия азербайджанцев Сургута «Берлик» (Единство).
- Отношения в диаспоре носят формальный характер.
- Уровень сплоченности группы ниже, чем у представителей кавказских народов (что ощущается на индивидуальном уровне).

- Взаимовыручка на уровне межличностных контактов (практика оказания помощи представителям этнической группы общиной отсутствует, разобщенность).

- Сотрудничество Азербайджана с Россией – молодежная организация АМОР (азербайджанская молодежная организация Россия) финансируется государством.

Общественно-политическая деятельность

- Присутствие азербайджанцев во властных структурах воспринимается скорее как исключение.

Сферы занятости

- Восприятие собственного положения как ущемленного в связи с ограниченностью возможностей для занятий отдельными видами деятельности (ханты – земледелие, рыболовство, охота).

Факторы риска

- Скептически-поверхностное отношение со стороны русских как препятствие для успешной интеграции в социум (преодоление стереотипов осуществляется только посредством установления тесных межличностных связей).

- Ощущение наличия социальной дистанции между русскими и инокультурными группами как основа для возникновения социальных конфликтов.

- Высокий уровень конфликтности на почве межнациональной неприязни в молодежной среде.

1.2.2. Армянская диаспора (Сургут)

Самидентификация

- Высокий уровень этнической идентичности на базе высокой социальной дистанции с принимающим сообществом.

Система организации

- Разветвленная диаспора с высокой численностью.
- Формально существующая община и ее руководитель общины не оказывает особого влияния на положение армян в регионе, не отстаивают ее интересы.

Сферы занятости

- Уровень заработной платы в сферах занятости армян сравнялся с зарплатами в других регионах, что способствует оттоку из ХМАО.

- Обширный спектр сфер занятости.

Общественно-политическая деятельность

- Столкновение интересов руководителя общины с группой отстаивающих необходимость строительства армянской церкви.

Факторы риска

- Ощущаемая дискриминация по этническому признаку как фактор риска обострения межнациональных отношения в регионе.

1.2.3. Выходцы из Дагестанцы

Самоидентификация

- Укрепление национальной и территориальной (дагестанской) идентичности на базе чувства ущемленности в получении доступа в ряд сфер (по сравнению с представителями славянских народов)

- Наличие одной мечети при большой численности мусульман в регионе воспринимается как ограничения для исповедующих ислам.

Сферы занятости

- Занятость в сфере обслуживания, медицине.
- Ограниченный (закрытый) доступ к получению высокого социального статуса (руководящие должности) при ориентации на достижение успеха.

Факторы риска

- Ощущаемая дискриминация по этническому признаку как фактор риска обострения межнациональных отношения в регионе.

1.2.4. Таджики

Самоидентификация

- Сохранение своей национальной и культурной идентичности.
- Слабый уровень интеграции в социум.

Система организации

- Отсутствие системы организации (разобщенности).

Сферы занятости

- Занятость в строительстве и торговле, реже – медицине, сфере образования, нефтяной отрасли, госучреждениях.

Общественно-политическая деятельность

- Чувство изолированности об общественно-политических процессов.

- Ощущение ущемленности прав и отсутствия правовой защиты со стороны обоих государств.
- Высокий уровень давления со стороны правоохранительных органов.

Факторы риска

- Ощущаемая дискриминация по этническому признаку как фактор риска обострения межнациональных отношения в регионе.

1.2.5. Чеченцы

Самоидентификация

- Проводимая политика оценивается как препятствующая формированию российской идентичности у чеченцев.
- Вопросы адаптации не решаются государством.
- Чувствительность к ограничениям по конфессиональному признаку (отсутствие мечети).
- Негативный фон в СМИ.

Сферы занятости

- Занятость в разных отраслях народного хозяйства (строительство, автомобильных дорог, тяжелое машиностроение), контролирующих органах, социальных органах.
- Отсутствие возможностей для реализации интеллектуального потенциала.

Общественно-политическая деятельность

- Неудовлетворенность закрытостью доступа в органы власти (восприятие как проводимой на государственном уровне политики по ограничению прав представителей северокавказских народов – ущемление прав по сравнению с украинцами, армянами, азербайджанцами).

Факторы риска

- Слабая возможность воздействия на группу с использованием управленческих механизмов ввиду восприятия ситуации как реализуемого региональными органами власти сценария.
- Увеличение закрытости группы как реакция на неблагоприятность внешней среды.

Развернутый вариант хорошо виден на примере аналитического отчета по Краснодарскому краю и Республике Адыгея (Е.О. Кубякин и В.В. Плотников). Рассмотрим подробнее.

На основе полученных данных в ходе исследования в Краснодарском крае и Республике Адыгея можно сделать вывод, что в регионе реализуется умеренный конфликтологический сценарий.

На основании проведенного опроса было осуществлено формирование конфликтологической модели межэтнического взаимодействия в Краснодарском Крае и Республике Адыгея. В основу формируемой модели легли позиции представителей различных этносов, отражающие момент «взгляда изнутри» на социальные процессы в регионе, а также основные проблемы и противоречия, существующие в системе этносоциального взаимодействия. При этом, на основе полученных результатов проведено аналитическое рассмотрение наиболее значимых моментов стереотипизации отношений, лежащих в основе формируемых ответов.

Предлагаемые материалы содержат обобщение позиций представителей различных этносоциальных групп, а также анализ общей ситуации в регионе, рассмотренный применительно к каждому из рассматриваемых этносов. Ниже представлены данные относительно основных факторов роста социальной напряженности и повышения уровня конфликтности в регионе. Опрос представителей этнических меньшинств в данном случае позволяет выявить не только явные области повышения конфликтности, но и латентные противоречия, негативно сказывающиеся на социальной обстановке в регионе.

Обратимся к социальной позиции представителей адыгского этноса, являющегося одной из самых крупных этнических групп в регионе. Сложным моментом, связанным с существованием **адыгского** этноса в регионе является низкий уровень ощущения комфорта при реализации социальных задач. Представителями адыгского этноса, отвечавшими на вопрос: «Насколько адыги ощущают себя местным населением в Краснодарском крае?» были даны следующие ответы:

«Каждый адыг, я думаю, стопроцентно ощущает себя коренным жителем данного региона, будь то Северный Кавказ, части Ставрополя, Краснодарский край, Черкесия».

Было сделано уточнение: «То есть адыг себя чувствует комфортно, местным жителем, что в Краснодарском крае, что в Кара-

чаево-Черкесии, что в Республике Адыгея?». На что были получены следующие ответы:

«Комфортно – это уже другой вопрос. Да, он чувствует себя коренным жителем. Но насчет комфорта – это второй вопрос. Почему в Кабардино-Балкарии себя чувствует местным жителем. Потому что там есть кабардинцы, кабардинцы тоже являются адыгами. В Черкесии есть черкесы, они тоже являются адыгами. Было 12 племен черкесских. Поедем на побережье Черного моря – коренные жители шапсуги, которые там остались, так же нас встречают, так же мы себя чувствуем, как они себя чувствуют на месте. Мы чувствуем себя коренными, проблем с этим нет».

«Я говорил, это конкретно от того, как каждый себя ощущает. Комфортно или нет. Этот комфорт во многом в разных сферах нашей жизни проявляется. Дискомфорт появляется из-за незнания людьми исторической правды. Если человек не знает, адыги – коренной здесь народ или нет, и начинает административные припоны. В каждой сфере. Та же автомастерская. Если человек не знает историю: что ты сюда приехал машину делать, езжай к себе домой. Я буду чувствовать себя не комфортно».

В качестве основной причины дискомфорта обозначаются проблемы бюрократического характера, в частности, на уровне кредитования. По словам одного из респондентов, «в случае работы в Краснодаре ни один банк Краснодарского края не выдает никакой кредит. Даже Сбербанк. Я лично сталкивался. Всего каких-то 50 тысяч они предложили взять без процентов на две недели. Я обратился, мне сказали: были бы Вы прописаны в Краснодаре, мы бы Вам дали. Руководство банка в регионе решает так, как администрация региона решает. Не по национальному признаку, а по прописке. Ограничение есть именно по Республике Адыгея. Даже если ты получаешь зарплату в этом же банке в Краснодаре. Я объясняю это территориально, что Республика Адыгея находится отдельно от Краснодарского края».

Другой респондент отметил: «я прописался в Краснодаре в 2007 году как раз по этой причине. Потому что молодой, надо что-то купить. Хотя работаю в Краснодаре, получаю зарплате, банковская карточка у меня Сбербанка. Пока не пошел к шефу, и шеф помог сделать прописку. Я не знаю этих банковских законов, но я не уверен, что если я прописан в Адыгее, я не могу в Крас-

нодаре получить кредит. У меня сестра в Москве училась, работала, хотя была прописана здесь. И там прекрасные отношения с банками. Краснодар дает поселкам – Энему, Яблоновке. Адыгея тоже различается».

Еще одной точкой возникновения напряженности являются взаимоотношения с медицинскими учреждениями.

«Если бы страховой полис сделали, чтобы без проблем принимали в Краснодарском крае, проблем бы не было вообще. Авария. Вот недавно наш родственник с братом попали в больницу. Разбились, водитель сразу на месте скончался. Даже пробка случилась. Скорая приехала, машины не хотят двигаться вообще. Тут у нас Майкоп далеко, 20 километров. Авария случилась, как человека везти. Они гипс делают. Когда их машина переворачивалась, рука вся раздробленная, и асфальт там. Они взяли и в гипс зашили все это. Не промывая, ничего. Больница вообще очень халатно работает. Даже врачей нормально работает. Куда везти их? В Краснодар. А они там хотят... Вы с кем договаривались?»

«Все деньгами решается, и мы деньгами решили. В Краснодаре армянина не возьмут. По знакомству – понятно. Простой житель не может в краснодарскую больницу обратиться, ему нужно в районную. Но у нас таких районных нет. В Майкопе за 120 километров находится. Нужно по месту происшествия оказывать помощь. А местом происшествия является Адыгея, пусть Адыгея оказывает помощь».

«Последний соцопрос, который проводился в Краснодаре. Статья в Фэйсбуке, я сейчас не готов ответить, кто проводил. Люди больше всего жалуются на медицину. Потому что человек больной, его привозят, ему говорят: вы там прописаны, езжайте туда. Хотя федеральным законодательством предусмотрено: человек полис получил, в любом субъекте Федерации он может медицинскую помощь получать. Закон есть, а все равно отказывают. На страховом полисе так и написано, что действует по территории всей России». Основным выводом в данном отношении является то, что для адыгов не просто важным моментом является интеграция с российским обществом, но и ее юридическое обеспечение, гарантирующее равные права. Таким образом, основной спектр проблем межэтнических отношений пролегает не в области социальных установок титульной нации и представителей

адыгского этноса а, скорее, на уровне институциональной сферы государства, оптимальности и эффективности ее работы в отношении жителей Республики Адыгея. Что касается социальных установок адыгов, следует обратить внимание на сочетание четкой самоидентификации и одновременно направленности на социальный диалог, что характеризует конструктивный потенциал развития межэтнического взаимодействия. Этнические различия сохраняют значение, однако это не столько реализация конфликтной модели «свои – чужие», сколько наличие активного этнического самосознания. Нельзя сказать, что этносоциальные противоречия отсутствуют, однако имеет место динамика изменения социальных позиций, связанная с ростом уровня взаимодействия. В данном отношении приобретает важность нивелирование рассмотренных оснований повышения уровня социальной напряженности и общего комфорта проживания представителей адыгской этнической группы на территории Краснодарского Края.

Следующая этническая группа, присутствие которой в регионе сопряжено с наличием проблем культурно-коммуникационного и институционального характера – армяне. Важной проблемной позицией **армянского** этноса в регионе является вопрос о признании геноцида армян. Один из респондентов напрямую указал на это как на принципиальное противоречие: «нет системы, чтобы каждая нация, проживающая в Краснодарском крае, ощущала себя россиянами. Но задуть в нас наши корни в Армении... я не знаю, другие национальности смогут ли это забыть. Никто не может понять, как это – 1,5 миллиона людей вырезали, и через три года после геноцида у нас здесь государственность. Забыть то, что мы армяне, мы не можем. Я хочу ощущать себя патриотом России, но чтобы Россия видела во мне армянина, того благодарного человека, который благодарен государству, что государство обеспечивает меня и моего ребенка правом пользоваться своим языком. У нас сегодня мало кто знает, какие у нас есть великие писатели. Когда мне будет приятно, я буду другими глазами смотреть на то, что вокруг. Система отсутствует. Не только по отношению к нам. Система, которая должна воспитывать всех людей, принадлежащих к разным национальностям, как идентичных. Во благо будущего любого государства. Чтобы мы ощущали себя частью государства. В первую очередь, культура, образование».

Таким образом, значимой проблемой для армянского этноса является вопрос о социальных механизмах воспитания национальной самоидентичности (в первую очередь в вопросе языка, его сохранения, преподавания в школе). Ниже приведены характерные высказывания, отражающие данный аспект:

«У нас в регионе армянских школ нет. Есть в Сочи только русская школа, где преподается как предмет армянский язык. Не во всех классах. В Адлере эта школа находится. Думаю, что не нужно чисто армянскую школу, потому что, заканчивая армянскую школу, наши дети не могут поступать в достойные вузы России. Есть в Краснодаре школы, где в центрах творчества работают педагоги, один из них – я. Семь педагогов, бывший Дом пионеров, центр детского творчества. Я работаю на базе школ, но как педагог дополнительного образования. Это кружки при школах. Их всего семь в Краснодаре, в крае очень много. В основном, общественное обучение, армянские классы, которые спонсируют такие организации, как «Союз армян России» или Армянская церковь. Очень бы хотелось, чтобы мы имели не как факультатив в школе, а как предмет армянский язык. Я из Грузии, я когда училась, у нас грузинский язык был обязательный предмет. А когда мои родители учились, это было по желанию. Чтобы 5–6 урок у детей был армянский язык в школах общеобразовательных. Еще скажу большое спасибо, если в таком городе большом, Краснодаре, очень много... в 35 школе, где я работаю, 110 детей армянской национальности. Чтобы не семь было педагогов, а много».

«В Краснодаре была чисто армянская школа, центральная библиотека Пушкинская. В 1941 году началась война, школу закрыли и больше не открыли. Но нам не нужна чисто армянская школа. Просто 1–4 класс чтобы изучали армянский язык».

«2004–2005 год, я работала в Кубанском университете, там лингвистический центр. У меня студенты были только армяне. У меня был свой спонсор, который и зарплату, и аренду. Это предприниматель. Валерий Агамян, они мне зарплату платили, не университет. Но они мне дали возможность, чтоб там изучали и другие нации язык».

«Очень трудно работать. Я руководитель отдела образования уже 4 года в организации «Союз армян России». В школе работаю 20 лет, у меня свой учебник авторский, свои рабочие тетради.

Очень трудно организовать на государственном уровне. Нет системы. Мы сейчас говорим про армян, но в такой же ситуации находятся и другие».

Таким образом, как становится видно из высказываний респондентов, одна из основных проблем армянского этноса связана не с непосредственным взаимодействием различных этнических групп, а с взаимодействием институциональной сферы государства и представителей армянского этноса. В культурно-коммуникационном плане армяне активно участвуют в общественной жизни, а уровень межличностной конфликтности сравнительно невысок. При этом положительное значение имеет характер внешнего отношения к армянам: с этой стороны они не испытывают дискомфорта. Особенность факторов социальной напряженности в армянской этнической группе состоит в том, что это один из народов, обладающих глубокой тягой к самоидентификации, развитой этнической гордостью и стремлением к сохранению культурной традиции, неотъемлемым элементом которой является язык. При этом в социальном и коммуникационном плане армяне достаточно адаптивны, что способствует их интеграции в социокультурное пространство региона.

Проблемной позицией **дагестанской** этнической группы, исходя из проведенного опроса, является «вынужденная ассимиляция», обусловленная социальным и экономическим неравенством. По словам одного из респондентов, причины этого явления сводятся к следующему. «Безработица в Дагестане, межклановые религиозные конфликты. Есть такое. Судите сами: сегодня лезгинов на территории Российского государства проживает почти 450 000, 226 000 проживает в Дагестане, а 224 000 – на огромных просторах Российской Империи. Лезгины – самый такой народ, который больше всего. Не знаю, как показатель по другим народам, а эти да. Потому что там особо работать негде, каких-то перспектив продвижения тоже нет. Как правило, семьи большие. Заставляет людей. Выезжая, они не насовсем выезжают. Понятно, что семьи большинство остаются там, здесь только зарабатывают. Это отсутствие национальной политики в Российском государстве. Проживает 220 народов. Сколько Общество создано, я ни разу не получал от государственных органов каких-то... в том плане, как развиваться, как двигаться, как работать с тем населе-

нием, которое сюда приезжает со стороны. Нет органа, который бы отслеживал процессы, которые происходят в межнациональных отношениях, в отношениях определенных народов, наций. Хотя лезгины сегодня – единственный народ, наверное, после распада Советского союза, который в большинстве своем остался раздвоенным. У нас официально азербайджанцы признают где-то 150 000, а неофициально там проживают около 850 000. И народ разделяет одна река, Самур называется. С этой стороны Азербайджан, с этой – Дагестан. Идет ассимиляция народа, теряется многое. Эту проблему особо никто не озвучивает. С той стороны бегут и с этой стороны. А уезжая, человек теряет многое. Все, что ему предками дано, начинает потихонечку размываться. Ассимилироваться в той среде, где он обитает. Дети уже другие растут, мало кто из них потом хочет в горы обратно уйти».

Также, опрошенные отмечали, что на «принимающей» территории процесс ассимиляции протекает сложно в виду стереотипов восприятия «иногo» этноса. «Вообще пробиться в органы государственной и муниципальной власти невозможно, практически. Для не русских народов. На мой взгляд, определенная аура создана в свое время и она работать продолжает. Должна быть общенациональная идея, которая бы всех нас сделала россиянами. Как это сделать? Моя жизнь состоялась в годы коммунистического правления, там было более справедливо. Сегодня в России коррупционная составляющая откуда идет? Там поймали за руку, здесь... Нужны люди, которые бы любили свою землю, свой народ. Поэтому и происходит так. Естественно, как трудно пробиться. Трудно очень».

Таким образом, проблемы, связанные с интеграцией дагестанцев в социокультурное пространство региона, с их позиции, имеют преимущественно институциональный характер. Вместе с тем, при ближнем рассмотрении становится видно, что, помимо сложностей с организацией принимающей стороной адекватных процедур обустройства трудовых мигрантов, имеют место сложности культурного и языкового характера. Сложность в организации институциональной поддержки дагестанцев становится тем основанием, которое усугубляет чувство неустроенности и общую социальную замкнутость представителей данного этноса. Что характерно – респонденты в целом отрицательно оценивают

уход с исторической родины, а процесс ассимиляции связывают с потерей корней. По этой причине перспективы адыгского этноса связаны не столько с развитием ассимиляционных процессов, сколько с формированием адекватной системы межэтнического взаимодействия, основанной на взаимном понимании специфики социальных установок участников взаимодействия. В этом отношении проявляется значимость организации внешних условий для эффективной этнической интеграции.

Проблемным аспектом **чеченской** этнической группы, исходя из проведенного опроса, является коммуникативная сторона и наличие негативных стереотипов отношений с представителями правопорядка. Так, на вопрос об отношении к чеченцам коренного населения, один из респондентов ответил, что существует настороженность и что «с нового года, вот 2008, 2009, 2010, 2011 уже можно сказать было..но было чеченцами, приезжие чеченцы можно сказать по-русски не ало, ...спрашивает, документы спрашивает, то спрашивает, и нормально объясняют человеку и не показывают документы. Ну, были, забрали их там 2 суток, сутки там, проверяют, пробивают вот такие моменты. Тем более единственное когда я ехал сюда я по приказу ...был, девятым начало десятым уволился, бывший сотрудник полиции и когда проверяли там где живу, если 2–3 человека чеченцы сразу соседи жалуются, их проверяют они там поздно ночью приходят там то приходят этот там..Ну были моменты. ..приезжает, ..ну пробивали там, были моменты пробивали, есть документы если я в органах работаю если показывали документы ...ну показываешь, человек уже знает. если пробивают человека все чисто, если противозаконное что-то есть, ну забирают.. Если противозаконное, извините. У меня проблем с этим с органами не было. У меня всегда отношение хорошее, всегда с органами с этими сотрудниками, с этим ППС, ...нету. Мне всегда было интересно со всеми общаться и дружить».

«Раньше было» – добавил другой отвечающий. «Те кто приезжал с Чечни они же не знают куда обратиться, что делать. Были массовые драки здесь с местным населением. И как бы когда уже узнали, что есть представительство, то есть тогда уже начали, поток пошел, жалобы пошли. О незаконном задержании, там посадили ни за что, там что-то еще».

При этом с точки зрения максимальной комфортности проживания был отмечен не Краснодар, а Сочи «Сочи да. Мне кажется здесь более комфортнее, потому что таких вот напряжений, например, если казаки немного и чеченцы между собой дальние были какие-то враждующие, хотя были и другие моменты, когда дружили и все такое. Все равно свой след какой-то оставляет и в отношениях он присутствует. К примеру, в Краснодаре я учился в институте там политехникум и у нас были вот такие вот отношения, немного натянутые с местным населением. Здесь Сочи – это интернациональный город, здесь такого нету, здесь не ощущается ни скинхедов, ни казаков. Это вот как бы может мне так казаться, потому что я здесь долго прожил. Мне комфортнее здесь». Таким образом, в этнической среде чеченцев момент неподготовленности к социальной специфике принимающего региона приобретает конфликтный характер, в результате которого производится обобщение негативного опыта взаимодействия с правоохранительными органами и государственными структурами в целом. Налицо процесс негативного конструирования социальной реальности на фоне общей замкнутости, устойчивости внутриэтнических социальных установок. Этнические противоречия, связанные с социальной активностью представителей чеченского этноса во многом обусловлены низким уровнем социализации в принимающем регионе. Вместе с тем, данная проблема может быть нивелирована при условии корректной организации процесса принятия мигрантов, что предполагает необходимость выстраивания институциональной структуры, ответственной за данный процесс. При этом, с учетом относительной замкнутости чеченского этноса, наиболее перспективным является включение в данный процесс представителей этнической группы, уже получивших опыт интеграции в принимающем регионе и обладающим авторитетом внутри рассматриваемой этносоциальной группы.

Проблемным аспектом **украинской** этнической группы является актуализация противоречий политического характера. Противоречие состоит в том, что как таковая украинская диаспора в связи с событиями на Украине начиная с 2014-го года находится перед выбором между ассимиляцией и сохранением идентичности. Ряд опрошенных представителей украинского этноса отмечает разобщенность во взаимодействии украинцев и русских:

«что Гитлер не сумел сделать, расколоть русских и украинцев, произошло сейчас – я не хочу сказать что Восток и Центр, но очень многие люди которых я раньше знал как друзей России, сейчас о России говорят с ненавистью – я тогда еще подумал, что скоро появятся уроки ненависти в украинских школах, так они уже проводятся».

При этом, источник противоречий просматривается в исторически более ранам делении Украины на «Восток» и «Запад». Как отметил другой респондент, «вы знаете это в основном в самой Украине присутствует, где отец родился в Хмельницкой области... он поехал во Львов поступать, приехал на Кубань, приобрел квартиру, вот на что он обратил внимание, это фактически был конец 50-х годов – центр Львова киоск, подошла женщина, на русском языке попросила газету, в это время та дама, что сидела в киоске разговаривала с другой дамой, во первых она разговаривала во Львове диалект различается, смесь польского украинского – но когда к ней обратились на русском она сделала вид что не слышит – та еще раз обратилась, та еще раз сделала вид что не слышит, та в конечном итоге отошла от киоска, подошел мой отец, он говорил у него свой диалект в Хмельницкой области, та наострила уши, вылезла поулыбалась и соответственно отдала то что он просил, здесь конечно мы с таким не сталкиваемся».

Еще одним источником противоречий является разрозненность и отсутствие сплоченности: «ну все знают, что у армян на свадьбах по 800 человек которые первый раз друг друга видят, но тем не менее у них все брат – сват – помощник – друг и т. д. они друг другу помогают и это достойно восхищению. Украинцы же ну... прошел мимо украинец, ну молодец что прошел, нет такой сплоченности как например у кавказских народов»

«Опять же здесь проблема в чем, когда фактически три народа из одной исторической колыбели находятся практически в общей культурной среде в этом просто нет необходимости» – добавил другой отвечающий.

Таким образом, несмотря на близость культурных традиций украинцев и русских, отмечается искусственно культивируемая социальная установка на разобщение, имеющая под собой политическую подоплеку. Данное противоречие отчасти нивелируется естественными ассимиляционными процессами, однако, в целом,

проблема имеет достаточно серьезный размах. Фактически, в русле конфликтной установки реализуется момент культивации различий и их актуализации в деструктивном ключе.

Слабой позицией **таджикской и узбекской** этнической группы в регионе является в основном проблема легализации проживания и труда, а также языковые и социокультурные противоречия связанные с незнанием (а, порой, неприятием) особенностей принимающей культуры. Очевидно, что данная проблема имеет комплексный характер: притом, что трудовая миграция, имеющая прагматические основания и зачастую характеризующаяся сезонным характером, не способствует активной интеграции в социокультурное пространство региона: на это не хватает времени. И здесь большое значение приобретает институционализация процесса обеспечения конструктивного включения трудовых мигрантов в социокультурный процесс, что не может быть реализовано без активного участия представителей узбекской и таджикской диаспор. Ситуация осложняется сравнительно малым историческим опытом формирования этносоциальной включенности данных народностей. Корень проблемы заключается не столько в несовместимости культурных установок представителей данных этносов и титульной нации, а, скорее, в том, что сам процесс интеграции не организован корректно, ввиду чего имеет место серьезный уровень первичных противоречий, связанных с языковыми сложностями и различиями в культурных установках, а также с серьезными проблемами, вызванными тяжелыми условиями труда, зачастую, без каких-либо социальных гарантий.

Проблемной позицией **курдской** этнической группы в регионе является относительно невысокий процент представителей, имеющих высшее образование и сложности связанные с корректностью произношения на русском языке. Данные особенности связаны с замкнутостью этнической группы и воспроизводством сельскохозяйственных видов деятельности. Обозначенная проблема была озвучена в ходе опроса: «Вы знаете, было много барьеров и основной барьер был в знании русского языка на хорошем уровне. Это была большая проблема. у сегодняшнего поколения, которое здесь растет такой проблемы нет и я думаю, что и директора школы Вы слышали, что она есть. сразу не становятся президентами, правильно, проходят какую-то эволюцию. Я ду-

маю, что эти молодые люди, которые получили здесь образование, которые сегодня начали работать, через несколько лет мы можем пролоббировать и помочь, чтобы они были представлены в органах власти». Таким образом, социокультурная замкнутость представителей курдского этноса становится основанием серьезных противоречий культурного и языкового характера. В этом отношении основные проблемы связаны не столько с его негативной стереотипизацией в среде принимающего региона, сколько с циклическим естественным возникновением противоречий во взаимодействии. Вопрос преодоления социокультурной замкнутости представителей курдской этнической группы во многом может быть разрешен средствами сферы образования, что, в долгосрочной перспективе, может существенно снизить уровень возникающих локальных противоречий.

В ходе опроса представителей **греческой**, равно как **татарской**, диаспоры слабые позиции обнаружены не были в виду высокой степени ассимиляции и социальной активности. Здесь речь может идти о конкретных слабых позициях отдельных представителей, но не об этносе в целом.

Подводя итог, следует отметить, что в целом ситуация в регионе носит благоприятный характер, а возникающие социальные конфликты носят либо характер единичных конфликтов, либо характер тенденций возникновения локальных конфликтов, имеющих под собой социокультурные и институциональные основания. Деструктивная модель, связанная с эскалацией конфликтности и ее выходом на уровень самовоспроизводящей деструктивной модели в Краснодарском Крае и Республике Адыгея практически не реализуется. Исключение составляют внутренне замкнутые этнические группы, в которых обнаруживается тенденция переноса ответственности за возникающие противоречия на институциональную сферу принимающего общества. Однако и здесь можно судить о том, что возникающие проблемы, хоть и базируются на различиях в культурных установках и языковом барьере, все же не выходят на уровень развития межнациональной розни, оставаясь на уровне латентного недовольства устройством институциональной сферы региона.

Представленные варианты анализа идентификационных стратегий диаспор и земляческих групп в принимающем обще-

стве имеют важное значение для общего понимания стратегии этнической безопасности. Проведенный анализ стоит понимать как универсальный базовый пример анализа факторов этнической идентификации.

Вопросы для углубленного осмысления исследуемой проблематики:

1. Попробуйте создать собственную конфликтологическую модель межнациональных отношений на примере отдельно взятого населенного пункта.

2. Как, на ваш взгляд, возможно регулирование межнациональных отношений в регионе с аналогичными представленным конфликтологическими характеристиками?

3. На основании представленных результатов обозначьте наиболее проблемные для органов государственной власти точки социальной напряженности межнациональных отношений в исследуемом регионе?

5. Рекомендации по управлению межнациональными процессами органам муниципальной власти

Комплексность и многоэтапность исследования проблематики межнациональных отношений в аспекте ориентации на практическое применение его результатов предполагает два содержательных формата итогов, которые могут быть использованы органами государственной власти и заинтересованными общественными организациями. Во-первых, речь идет о целостном аналитическом отчете, во-вторых о рекомендациях. Что касается аналитического отчета, то в предыдущих параграфах представлены выдержки из него. В настоящем разделе мы приводим пример того, как на основании полученной эмпирической и аналитической информации создается комплекс рекомендаций для органов местного самоуправления с кратким обоснованием проблемной ситуации и конкретными выводами.

Ситуация межэтнических отношений в Краснодарском Крае и республике Адыгея оценивается как умеренно конфликтная. Вместе с тем, по результатам исследования выявлен ряд проблем и противоречий, лежащих в основе усложнения межэтнического взаимодействия и роста социальной напряженности. Типологически данные затруднения можно свести к следующим проблемам:

1. Низкий уровень интеграции отдельных этнических групп в социальную и культурную жизнь региона, результатом чего становится возникновение конфликтных ситуаций на почве различий в культурных установках;

2. Распространение деструктивных социальных стереотипов, связанных с межэтническим взаимодействием и детерминирующих существование негативных социальных ожиданий у представителей этнических групп, направленных как в сторону представителей других этносов, так и в сторону государственных структур;

3. Проблемы институционального характера, связанные с недостаточно эффективной социальной поддержкой представителей этнических меньшинств, результатами наличия которых становятся ухудшение общего фона межэтнических отношений, снижение приоритетности гражданского самосознания, рост социальной напряженности;

4. Недостаток развитых механизмов интеграции мигрантов в социальную жизнь региона, результатом чего становится снижение эффективности социализационных процессов и повышение уровня межэтнических противоречий, а также снижение общего комфорта представителей отдельных этносов.

Разрешение данных проблем является приоритетной задачей в формировании благоприятного социального климата в регионе. По результатам исследования определено соответствие между основными этническими группами и характером проблем, с которыми сталкиваются их представители в ходе межэтнического взаимодействия. Это позволило выделить несколько групп этносов по критерию преобладающих затруднений в осуществлении интеграционных стратегий.

Наименее проблематичной является ситуация в отношении греческого и татарского этносов, в результате умеренной ассимиляции осуществивших активное включение в социокультурную жизнь региона. В отношении представителей этих этнических групп текущая стратегия регулирования этнического взаимодействия видится достаточно эффективной.

Особая ситуация складывается в отношении адыгского этноса, представители которого активно включены в социальную и культурную жизнь региона, однако испытывают сложности институционального характера, связанные с проблематичностью статуса жителей Республики Адыгея в условиях реализации институциональной деятельности на территории Краснодарского края. Наиболее перспективным здесь является оптимизация институциональной структуры, направленная на устранение текущей ситуации циклического возникновения затруднений, связанных со статусом проживания.

Для представителей армянского этноса наибольшей перспективностью характеризуются меры, направленные на поддержание культурной идентичности внутри этнической группы, что связано с организацией возможности изучения армянского языка в районах с высокой плотностью проживания армян, а также с организацией культурных мероприятий, способствующих реализации конструктивных идентификационных стратегий.

В отношении дагестанского, таджикского и узбекского этносов наибольшую приоритетность имеет формирование устойчивых институциональных структур, способствующих социальной

поддержке, адаптации и социализации приезжих, что связано как с созданием благоприятных условий включения в социальную жизнь региона (легализация пребывания, трудоустройство), так и с преодолением естественных затруднений языкового и культурного характера. Видится перспективным приобщение к этой деятельности представителей диаспор, уже проживающих на территории Краснодарского Края и Республики Адыгея.

Отдельно следует отметить, что в отношении дагестанского, чеченского и курдского этносов имеет высокую значимость преодоление группового барьера, укоренившегося в социальном мировоззрении их представителей. Одним из эффективных механизмов снижения недоверия к представителям других этнических групп и преодоления обособленности является проведение культурных мероприятий, ориентированных на раскрытие традиций и обычаев данных этнических групп. Также немаловажное значение имеет контроль эффективности институционального взаимодействия, и, в частности, повышение эффективности их социальной поддержки.

Что касается представителей украинского этноса, основной проблемой является политический аспект взаимодействия и искусственно поддерживаемая конфронтация между русским и украинским народами. В этом отношении одним из возможных направлений решения проблемы является актуализация исторической памяти периодов конструктивного взаимодействия представителей данных этнических групп.

Отдельно следует отметить, что общие меры, направленные на повышение гражданского самосознания и патриотизма, имеют конструктивное значение для каждого из рассмотренных этносов.

Вопросы для углубленного осмысления исследуемой проблематики:

1. На основании представленных данных, какие еще рекомендации для органов государственной власти Вам видятся целесообразными.

2. Что из представленных рекомендаций реализовать сложнее всего?

3. На основании представленных данных составьте прогнозную модель дальнейшей реализации стратегий национальной идентичности в исследуемом регионе?

Заключение

Настоящее пособие, будучи ориентированным на получение практикоориентированного опыта призвано показать, как молодым исследователям, так и представителям органов государственной власти, чья деятельность в той или иной мере связана с вопросами межнациональных отношений как проводить анализ актуальной ситуации, оценивать ее и осуществлять аналитические выводы по поводу социальных возможных рисков.

К числу преобладающих механизмов формирования национальной идентичности относятся высокий уровень сопричастности достижениям представителей этнической группы, проведение разнообразных культурных мероприятий, передача национальных ценностей в рамках деятельности института семьи. Тем более значимым становится тот факт, что для представителей современных этнических групп рассматривается в качестве приемлемого формирование семей среди представителей различных национальных групп.

Выявленные в ходе представленного в практическом разделе исследования противоречия свидетельствуют о наличии проблемных полей взаимодействия между представителями диаспор и земляческих групп и коренным населением, а также, между представителями различных этносов.

Вызывает опасение проблема стереотипизации негативных моделей реализации национальной идентичности и переход от локальных частных конфликтов на уровень конфликтов межнациональных.

Результаты представленного в практическом разделе исследования нуждаются в подробном анализе и осмыслении с целью формирования предложения конкретного перечня возможных мероприятий, способствующих сглаживанию ситуации межнациональной напряженности в регионе. В этом смысле, остается предостеречь молодых исследователей, изучающих проблематику межнациональных отношений от преждевременных выводов. Ведь для социолога самое важное – это получение объективной информации, а для представителя власти, принимая решение – опираться на факты, а не представления.

Литература

1. Ахиезер А. С. Социокультурные механизмы циклов культуры // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М., 2002. С. 116–135.
2. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2007. 464 с.
3. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999. 578 с.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. 269 с.
6. Брандес М. Э. Идеология и миф: общие черты // Политическая наука. Политическая идеология в современном мире. 2003. № 4. С. 39–47.
7. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 333 с.
8. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты наставления. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 240 с.
9. Вайдлих В. Социодинамика: системный подход к математическому моделированию в социальных науках. М., 2005.
10. Валлерстейн И. Изобретение реальностей времени и пространства: к пониманию наших исторических систем. // Структуры истории. Альманах «Время мира». Вып. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2001.
11. Вебер М. Политические работы, 1895–1919. М.: Праксис, 2003. 424 с.
12. Гопкало О. О. Теория общества потребления в современной социологии: Дис. на соискание ученой степени канд. социол. наук: 22.00.01 - Теория, методология и история социологии. СПб., 2006. 155 с.
13. Данилова М. И. Информационная война как реальность // ИСОМ. 2012. № 3. С. 229–231.

14. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
15. Жуков В. И., Краснов Б. И. Общая и прикладная политология. М.: МГСУ; Союз, 1997. 992 с.
16. Ильин В. В. Философия истории. М., 2003.
17. Кампанелла Т. Город Солнца. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 168 с.
18. Капица С. П. Демографический переход и будущее человечества // Интернет-портал «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/21/ka3.html> (дата обращения: 27.06.2014).
19. Капица С. П. Курдюмов С. П. и Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997. 286 с.
20. Капица С. П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М.: «Альпина Нон-фикшн», 2010. 192 с.
21. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
22. Кун Т. Структура научных революций. М.: ПРОГРЕСС, 1977. 300 с.
23. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы (Пер. с англ. И. Н. Веселовского). М.: Наука, 1967.
24. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / Электронный ресурс. Образовательный портал «Центр гуманитарных технологий». URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4369/4371>. (дата просмотра: 23.04.2014).
25. Лейст О. Э. История политических и правовых учений. М.: ЗЕРЦАЛО, 2000. 688 с.
26. Леонтьева Е. Ю. Философские основания социальных процессов (на примере институционализации) // Изв. Волгоград. гос. техн. ун-та, 2006. № 6. С. 49–51.
27. Луман Н. Мировое время и история систем / Пер. В. Бакусева // Логос. 2004. № 5. С. 131–168.
28. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.

29. Макиавелли Н. Избранные произведения. М.: «Художественная литература», 1982. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/gosudar.txt> (дата обращения: 04.05.2014).

30. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. М. И. Левиной и др.; ред.-сост. Я. М. Бергер и др. М.: 1994. С. 7–260.

31. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 тт. Т 2. М.: Политиздат, 1985. 509 с.

32. Меккель К. Диагностика кризиса: Гуссерль против Шпенглера // Логос, 2007, № 6 (63). С. 147–175.

33. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.

34. Миронов В. В. Глобализация и угрозы унификации // Журнальный клуб «Интелрос», эл. журнал «Век глобализации», № 1, 2012. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/-1-9-2012/14389-globalizaciya-i-ugrozy-unifikacii.html> (дата обращения: 14.11.2014).

35. Миронова Н. И. Социальная динамика: метаморфозы самоорганизации и управления. Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. 175 с.

36. Мор Т. Утопия. М.: Academia, 1935. 240 с.

37. Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006.

38. Парк Р. Избранные очерки: Сб. переводов. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. социологии и социал. Психологии / Сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев; отв. ред. Ефременко Д. В. М., 2011. 320 с.

39. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М. 1996. С. 494–526.

40. Платон. Государство. СПб.: Ленанд, 2014. 536 с.

41. Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993.

42. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.

43. Пригожин А. И. Организационные управленческие патологии // ОНиС, 1998. № 3. С. 16–23.

44. Пригожин И. Определено ли будущее. Ижевск: ИКИ, 2005. 240 с.
45. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991, № 6. С. 46–52.
46. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
47. Розов Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ, 2009.
48. Семенов И.С. Ритмы и циклы в контексте социокультурной истории: К вопросу о разработке исследовательской модели. // Циклы политического развития: прогностический потенциал (сборник статей) / Отв. ред. – В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 103 с.
49. Ситников А. П., Гундарин М. В. Победа без победителей: Очерки теории прагматических коммуникаций. М., 2003.
50. Сорокин. П. А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1003 с.
51. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова, М., Рольф, 2001. 640 с.
52. Торосян В. Г. Интернет, как оружие когнитариата // Информационные технологии в самореализации личности: материалы научно-практической конференции. Краснодар: КубГАУ, 2012. 213 с. С. 22–25.
53. Тоффлер Э. Метаморфозы власти 1990. М.: АСТ, 2004. 672 с.
54. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
55. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 326 с.
56. Турчин А. В. Структура глобальной катастрофы: Риски вымирания человечества в XXI в. / Предисл. Г. Г. Малинецкого и Н. Бострома. М.: ЛКИ, 2011. 432 с.
57. Хакен Г. Информация и самоорганизация. М., 1991.
58. Хакен Г. Самоорганизующееся общество // Будущее России в зеркале синергетики. М., 2006. С. 196–197.
59. Хакен Г. Самоорганизующееся общество. Электронный ресурс: URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/samoorgani-zuyushheesya-obshhestvo/> (дата обращения: 30.11.2014).

60. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008.

61. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

62. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? Интернет-ресурс. URL: <http://ecocrisis.wordpress.com/miscellanea/clash-civilization/> (дата обращения 12.11.2014).

63. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-Спб., 1997.

64. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Паронс. А. Шюц. М., 1996.

Учебное издание

**РИСКОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ И ТОЧКИ СОЦИАЛЬНОЙ
НАПРЯЖЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ДИАСПОР И ЗЕМЛЯЧЕСТВ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

Учебное пособие

Составители:
Плотников Владимир Валерьевич
Кубякин Евгений Олегович

В авторской редакции
Компьютерная верстка *С. В. Коноваловой*

ISBN 978-5-9266-1569-9



Подписано в печать 11.09.2019.
Авт. л. 4,2. Заказ 831.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.